

Мир молодости:
БУДУ РАБОЧИМ

№ 9 МАЙ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

Комсомольский характер

ОДИН ИЗ СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ

Фото Анатолия СИМАНОВА

заворачиваясь на краю котлована, Аман сверху видел всю площадку третьего понижающего каскада. И справа и слева от него ползали бульдозеры товарищей по бригаде, издавая похуже на медленных черепах. Бульдозеры продвигались между стенами своих секторов, оставляя для себя золотистую полосу свежего песка. Через несколько минут ее снова заносило снегом, и на первый взгляд казалось, работа совсем не движется. Но сверкающие ножи машины выносили на края котлована огромные ворохи снега, перемещая их со снегом.

Он развернул машину и хотел уже бросить ее вниз, на большой лист земли, успевшего прикрыть свежий слой земли, но вдруг заметил застывший бульдозер и маленькую фигурку, копошащуюся рядом. Пригнувшись мотор, он выскочил в звонкий ветер и побежал по гребню котлована.

— Что с ним?

Худайберды недоуменно пожал плечами. Но было в его жесте и что-то виноватое. Молодой бульдозерист, он работал в бригаде чуть больше месяца. Опекал новичка поручник комсоргу участка Аману Клычдурдыеву. И только три дня назад Аман сказал бригадному, что Джумасатов может работать самостоятельно.

На капот бульдозера падали снежинки и тут же стекали, оставляя извилистые следы на горячем металле. Аман вслед за своим недавним учеником вошел в кабину, запустил дизель, с трудом нажав на рычаг, дернул машину вперед и сейчас же остановил.

— Давно так?

— Только что. Чувствую, трудно управлять, и заглушил.

— Рази, наверное? Хотел больше еще сделать!

Подбежало еще несколько человек.

Бригадир — огромный, тяжелый, неповоротливый в своих блестящих от масла и потому крепких, как доспехи, ватных штанах и фуфайке — стал збираться на бульдозер.

— Я сам, — опередил его Аман — Гидроусилитель полетел. Наверное, гайку какую-нибудь срезало.

— Ладно. Помоги ему. А мы до обеда еще поупоюжим немного.

Для Амана бульдозер был больше, чем орудие труда. Правда, особенно почетна перед машиной он не испытывал — Аман чувствовал себя ее хозяином. Ему нравилось, когда сила машины передавалась рукам и можно было легко ворочать огромные охапки земли. Он не жалел бульдозер, но и опасался перетрудить его, брал именно столько, сколько было по силам и самому и машине.

— И кому он хотел доказать? Набрал на два захода. Его бы заречь, так! — шептал Аман. Он по гулу мотора всегда ощущал лишний килограмм песка на ноже. Без этого чувства нельзя стать хорошим бульдозеристом. Но сумел ли он передать Худайберды свое понимание машины? «Надо попросить Курбана, чтобы рядом со мной его поставили».

Через час они сидели возле жарко наполненной печи в бригадном вагончике. Одна половина его служила спальней, другая — столовой. В углу столовой стояло несколько знамен, завоеванных бригадой, на стене висел портрет бригадира. Байрамгалды Курбан на портрете не положе сам на себя, в строгом черном костюме, при галстуке, со Звездой Героя на груди, а взгляд у него то ли растерянный, то ли испуганные, то ли торжественный и таким беспомощным бульдозеристы своего бригадира, кроме как на «картинке», никогда не видели.

За стеной вагончика метался ветер, и редкие деревья вздрагивали на ветру, а долгий снег съедая пространство, и было скудно.

— Опять вечная пища, — поморщился бригадир, перемешивая ложкой макароны, обильно сдобренные тушенкой. — Может, нам лучше в столовую ехать?

— Как будто в столовой лучше накормят! — обиделся дежуривший в этот день Клыч Аширов. — На втором участке столовая еще работает, недалеко отдыхает. Там бы эти макароны как деликатес прошли.

Вот что происходило на стройке, Аман и раньше воспринимал как нечто такое, близкое, в стел комсоргом, он, даже незаметно для себя, начал привыкаться во все дела управления. Разговоры о перебох с питанием на втором участке возникли не вчера, но именно накануне Аман встретил однополчанина, работавшего там, и наслушался жалоб на жизнь «асухомитку». На втором участке своей комсоргу. Они были незнакомы знакомы, и Аман думал как-нибудь встретиться с ним, поговорить...

Но после сегодняшнего замечания Аширова Аман решил идти сразу же к Ананкүрбанову.

Бригада жила в вагончике прямо у места работы, и только Аман ездил ежедневно к себе дома в Геок-Тепе, маленький древний поселок, приоткрывшийся у подножия Копет-Дага. Все в бригаде были родом из-под Мары, и за восемь лет работы они далеко ушли от родных мест, и лишь один Аман вел канав не от дома, а в домик. Еще в армии он узнал, что создается новое строительство — монтажное управление «Копет-дагдистройстрой» и его бригаду перебрасывают на строительство Копет-дагского водохранилища. Написал Курбану письмо, попросил придержать место в бригаде и для него. Если бы бульдозеристы работали по-прежнему в районе Текеджан, он мог бы и не возвращаться к своим. Но крайний нерв сомнения у него возникли — онею, уже доми хотелось. Да и не только тогда гнала и родным местам. Подрастали четыре младшие сестры и три брата, тяжело болел, уже который год не вставая с постели, отец. А он старший, надежда, кормилец. Он возвратился, когда недалеко от Геок-Тепе закладывали главный поселок гидроэлектростанции, вместе с другими бульдозеристами перевозил от станции вагончики,

НАША ОБЛОЖКА:

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

8

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО...
РАССКАЗ ВЛАДИМИРА
ЧИБРИНА.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ФОТОЧЕРК О РЕКЕ ЛЕНЕ
(«ЖИВАЯ ВОДА»).

20

ПЯТЬ СТУПЕНЕЙ
К СИЛЕ И МУЖЕСТВУ.

28

ЭХО КРАСНОГО РУПORA,
УЛИЧНЫЙ ТЕАТР ФРГ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

АКАДЕМИК А. И. ЦЕЛИКОВ:
АКСИОМА НАУЧНОГО ПОИСКА
(«ОЛИМПИАДСКАЯ СЕРИЯ»). БОРЬБА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРИЯ: В. С. Абашич, Г. П. Египсеев, А. П. Кулешов, А. А. Лыжков [ответственный секретарь], В. В. Луцич [заместитель главного редактора], В. Г. Пободоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашович

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Буднина

— Сцепление полетело, а где я ночью прокладки достану! — оправдывался тот.

Порвать сразу пять резиновых прокладок — случай в практике небывалый. И в этот раз Клычдурдыев не показался подозрительным.

Через несколько ночей история повторилась. На бульдозере Ширева в самом начале смены лопнул трос, а утром Аман застал его спящим в кабине и с трудом растолкал.

- Целую смену потерял!
- Одним же новым трос не поставишь — да еще ночью.
- Попросил бы кого-нибудь. Меня мог разбудить.
- Начальству по ночам спать положено.

Характеру молодого бульдозериста завидовали: ровный, спокойный. И на этот раз сдержался. Но потому кто-то заметил, что трос был заранее подогнан. Никогда в бригаде не было таких бурных собраний — ни до, ни после этого случая. Возвратившись из Москвы бригадир требовал не только изгнать лентя, но и высчитать за испорченный трос и простой техники. У Амана же к эписте на Ширева примешивалось какое-то чувство собственной вины. Как бы бессознательно он понимал, что этот, идущий старшие его, бульдозерист просто завидует мальчишке, его легкости, умению, быстрому взлету. Не потому ли всегда работающий человек вдруг превращается не просто в лентя, но и в своеобразного вредителя? Может, ему хотелось просто дискредитировать новые порывы бригадир и Аман снова говорил о доверии, но убеждал на этот раз не Ширева, а всю бригаду. И убрался.

Перед самой армией Клычдурдыеву присвоили пятый разряд, а уже через год после службы — шестой, самый высокий. Как у бригадира.

Около года назад от «Копетдагдирострой» отпочковалось новое управление «Западдирострой». Новому управлению передавали часть людей и техники. Аннаркунов рекомендовал Клычдурдыева бригадиром на запад. Курбан впервые использовал свой авторитет и известность, чтобы отменить решение начальства. Говорил о близости к дому, о большой семье, которую должно поднимать Аман, о славноности бригады, хотя главная причина была в боязни потерять такого работника. Но в этом Курбан и сам себе бы не сознался.

— Хорошо, — устало согласился Аннаркунов, — но учти, Курбан, не даешь ты человеку расти, дорогу ему прикрываешь.

- Давай его самого спросим.
- Аман от перехода категорически отказался. Причины были как раз те, о которых говорил бригадир. Предстоящее же повышение его не особенно прельщало, потому что рост он понимал как постоянное повышение мастерства, а не продвижение по служебной лестнице. И еще он не мог уехать от комсомольцев своего участка, недавно избравших его своим вожаком.

В комсомоле он давно, со школы еще, но никогда его нигде не избирали. Может, был недостаточен активней Училища вроде старательно, работал хорошо и служил тоже. Собрания анкетного посещения, но так на них ни разу по комсомольским делам не выступил, и ни каких коммюникей или хороших кандидатур не предлагал. И вдруг — в комсомор. А он, по правде сказать, и не знал, с какого боку за работу такую брать. Поэтому, хотя и польщен был доверием, попытался отказаться. Собрание самоотверже не приняло.

Секретарь комсомольской организации управления инженер Нолес Агаев поручил ему провести встречу с комсомольцами геоктептинской школы, той самой, где учился когда-то Аман.

Проспавшись о встрече, пришел в школу и дядь Амана. В новом халате и огромном теленке, на который ушел не один агнецон, он торжественно громоздился за переплет парта. Годы сморщили лицо старика, искривили зубы, но самые не согнулись. И был он по-прежнему высок и крепок. Именно таких, самых сильных, и выбирали когда-то в мирабы, чтобы могли бросить камень-другой в соседний арык, вырвать у соседей лишнюю глоток воды, а своей не уступать.

Бежал с гор ручей Сенизэб — Восемь Арыков. И восемь аулов жили его водой, спорили, судились, иногда обменивали воду на кровь. Вода с тех пор не стала дешевле — подорожала жизнь человека: никто не станет теперь платить за воду кровью. Большая река пришла к ним, и не с гор пришла — из пустыни. Странно. В семь раз, говорит аул, станет больше богатая земля в их районе. А урожай, значит, и два раза по нему, потому что урожай от воды. И еще будет моток, свое собственное море. В жизни он и видел моря. Дядь уже плохо слушал Амана, но думал о нем, и с своей почти заботкой молчаливо думал, и о дяде, и о внуке, худощавый и маловесный, как никто в роду, стал большим мирабом, привел в дом больше воды. И люди слушают его с большим почтением.

— Вы не смогли бы подарить нам свою фотографию! — спросил после встречи молодой директор.

- Зачем?
- Мы думаем создать галерею портретов известных выпускников нашей школы.
- Какже же у меня заслуги?
- Вы привели домой воду.

Утро выдалось солнечным.

Аман проснулся рано. Вытащил из сарая несколько заранее приглашенных дочечек и уехал во дворе за работу. Его в детстве не особенно баловали, и он старался хоть чем-то одарить своих младших братьев и сестер, приносил им конфеты, игрушки, водил по воскресеньям в кино. И родство, младших ставившее его в пример, вот и сейчас он готовил им подарок — сванки. Пусть поклютаются, если сами занесла столько снега. По дороге прошуршала машина. Он поднял голову и увидел автолаку, сворачивающую в сторону второго участка. Обернулся, как будто ему подарок поднесли, хотя вчера долго не мог пойти: потерял чашку и сейчас не находит. И ощущал себя альпинистом, поднявшимся в полном снаряжении на ближайшую вершину Копет-Дага и увидевшего там геоктептинских босоногих мальчишек, навещающих туда ежедневно. Шумел, светился, кричал, а все улялилось без его помощи. Но ведь прожит, и перевернувший его совсем не затолкал.

Снежки получились, конечно, не росы, мажорными, но кататься можно. Положили головы на дувал, на него немигающе и презрительно смотрели два соседских верблюда. На шею одного из них брызгало голубое стеклышко. Амулет. Наверное, от дурного глаза.

Он сбавил gears, и удар молодого резинки, как выстрел, уносился к Копет-Дагу, и там заблудившись уже разбрасывало его по ущельям, пугая горных курочек и джейранов.

А утро сверляло серебристыми ветками скачозных деревьев, близкими шапками гор и обещало еще один бесполойный и сладостный день.

Твоя профессия

А с высоким она-ином, уходящим под ноги, погоним и скрытыми полубу-бунами, прозрачной кисей, глухой лобу-лобу, по-сибирски морозная и безветренная. Зал пуст. На небольшом возвышении, в торцовой части зала, прислоненный к стене, застыли музыкальные инструменты: стулья опронути на столах, наверху новизна, только за одним столом, в самом углу, сидит и разговаривает несколько человек — молодые люди, уставшие после долгого трудового дня, но озабоченные, веселые потому, что мощной этой разговору интересам. Среди них еще двое — ваши корреспонденты. А разговор идет о работе.

Началось все до обидного нелепо: на работу его не приняли по состоянию здоровья. «Отшагать за смену десятит километров, перетаская при этом тонны груза на руках, — не нашему под силу. Наверное, это вы понимаете?»

«Принимая». Трижды он уходил с этим угрозио (но без надежды) связанным «принимал». На четвертом «экзамене» ему повезло. На четвертом директор развел руками (за свое мнение он немало повядал настоящих парней и, когда нужно, умел отстаивать), но этот, по словам директора, оказался притворным орешником.

Ину что ж, попробуйте... Спустя два года он стал чемпионом города в своей профессии. В торжественной обстановке секретарь обкома комсомольца вручил ему диплом лучшего офицанта Меморова. Профессия, которая в высшем своем проявлении, кроме всех прочих условий, требует многолетнего опыта, на этот раз отдала свою лавру двадцатилетнему парню. Рассказывать, в тот день никто из присутствующих в торжественном зале не хотел верить, что путь к этому Олимпу начинался для этого парня не так.

Сейчас о первых своих шагах на этом поприще Виктор Лухин рассказывает с улыбкой и, как ставший асом авершиный курсант, с юмором: — А за тот первый диалог с директором реванш в «се-таки» взял. Случилось это так. К директору реванша «Нузбас» (тоже самого ресторана, где идет сейчас этот разго-

Алексей ВЛАДИМИРОВ, Альберт ЛЕХМУС (фото)

вор, и к тому самому директору, который после третьего «захода» взял на работу Виктора Лулева) пришла молодая пара с просьбой принять на работу официантами. Если быть точными, — учениками официанта. Оба были хорошей внешности, статные, смотреть приятно: «Коть сейчас в зал выпускной». Тут бы, кажется, и сказать: ну что ж, молодые люди, очень рад! Оформляйтесь. Но директор решил (в, видимо, был у него на то причины) поручить побеседовать с молодыми людьми о будущей работе молодому официанту, вчерашнему «консультанту» Виктору Лулеву.

И беседа состоялась. Не жалея красок, стараясь не упустить чего-нибудь важного, Виктор рассказывал — все трудности работы официанта. Была тут, конечно, и те десятки километров, отмеренные за смену собственными ногами, и тонны груза, перенесенные на собственных руках, и ежечасные ночные возвращения домой, когда автобуса не дождешься. Была, конечно, и чисто профессиональная сторона дела: и безупречное знание кулинарии, и постоянное, ни на минуту не ослабевающее внимание и гостям, и многое другое. Закончил же Виктор словами: «А вообще-то должен вам сказать, будущее коллеги, профессия у нас прекрасная, не помяните. Так что милости просим, приходите, пожалуйста!».

Поблагодарив, парень и девушка ушли.

И больше уже не возвращались.

— Отступил, вы говорите?! Ну нет! Вита сделала доброе дело. Как — кому! Им самим, конечно. Когда при выборе профессии человек сталкивается с трудностями, ей присущие, значит, это не его дело. — Слова в защиту своего товарища и, конечно, профессии произносит Михаил Прохоров. Он всюду, где только возможно, агитирует за профессию официанта. Основная же его аудитория — старшеклассники непервокурсных школ. Сам Михаил объяснит это обстоятельство тем, что, как он говорит, его поразила и заставила задуматься цифра, названная на Всесоюзном съезде молодых труженников сферы обслуживания: через несколько лет этой сфере потребуется как-бы четверть выпускников средней школы. «Представляете, каждый чет-

ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ О НАУКЕ ГОСТЕПРИИМСТВА КТО-НИБУДЬ ИЗ ДЕСЯТИКЛАССНИК О В СЕРЬЕЗ ЗАДУМАЕТСЯ О ПРОФЕССИИ ОФИЦИАНТА.

КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ.

ВИКТОР ЛУНЕВ — ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ЛУЧШИЙ ПО ПРОФЕССИИ».

ческий гость, а живой человек со своим особым характером, говоря по-научному, сингапур или биектаун, хювэри или мелакхили. Кроме того, ваш гость со своим сиюминутным настроением, а оно может быть хорошим, плохим или так себе. И вот тут в силу вступают законы психологии, которые вы должны не только понять, но и уловить для намерения дельного случая. Здесь ваша работа превращается в процесс общения с людьми. Если, например, за столом идет оживленный разговор, с подачи следующего блюда спешить не стоит. Беседа прервется, быть может, на самом интересном месте. Здесь, как говорят спортсмены, не надо навязывать темпа. Если ты видишь, что разговор у гостей не клеится, тут уже будь осторожнее, меняй блюда почаще: в зависимости от обстановки предложи что-то новое или даже попусти с ним-нибудь из тонкой, — может быть, это и будет той точкой, от которой за столом пойдет хорошее настроение».

Мы видели, как внимательно и с интересом слушает Михаила работа. Конечно, сидели среди них будущие физики и химики, фрезеровщики и строители, поэты и моряки, но, может быть, двум-трем из них заронил он в душу ту искру, на которой возгорится в них любовь и его любимой профессии.

Когда Миша Прохоров пришел работать в «Кубасс», первый месяц он, как, впрочем, и многие из сидевших сейчас здесь, «ходил в учениках» у Николая Мищенко. Это самый старший из наших собеседников — ему двадцать восемь. Но дело не в возрасте, а в авторитете учителя. По его словам, красиво и правильно сервировать стол, подносить блюда не самое трудное в профессии официанта, в конце концов это достигается физической тренировкой.

Если помните, Станиславский рассказывал в своей книге, как он садился где-нибудь на бульваре, смотрел на проходящих и отдалывал и старался по внешнему виду, по выносе, местам, походке, по манере одеваться определить, кто этот человек по профессии, каковы его вкусы, настроение. Общайтесь, конечно, не актер и не режиссер, но и для него это упражнение Станиславского необходимо. Необходимо, чтобы понять человека и наладить с ним наиболее точный и тонкий именно сказать, деликатный контакт. Конечно, первая наша обязанность — хорошо и вкусно накормить человека. Но ведь не хлебом единым...

Да, Николай прав, конечно. Не хлебом единым сыт человек. — Это го-

ворит самый молодой наш собеседник, Игорь Попов. Ему двадцать один год. Но с своей работой он ходит умно и глубоко.

Надано. Свадьбу мне молодая пара. Подошел, поздравовал, принял заказ: заказывали они нечто не так, безразлично, что ин. Отсюда я три-четыре, посмотратно изрядка, вижу: настроение у гостей не ч. Переберитесь без улыбки двумя-тремя словами и в сторону: сморщит, молча. Да, сторан, конечно, не дом, но гоститов. Что делать? Вину, шутками дело не поправится. Вот ладная Погожу, говорю: «Вы баранину заказывали, принесу, конечно. Но, знаете, я делал на кухню — мога да ности. Давайте мы вам рабу приготовить. Висну будет, ручкаюсь». «Если румянее, давайте», — сказал парень и улыбнулся так, еда. У девушки тоже что-то вроде улыбки промелькнуло. «Вот и прекрасное», — говорю, — не помалует. Сам на кухню: по пути как бы незначай обернулся: вижу, разогаривают — похоже, про меня что-нибудь. На кухню говорю парю: «Ганое дело. Быше себе прыгнул, а рабу приготовить, как детям родным». Ну, приношу занусу (принимал в бубете, не самый строгий ОАК, чтобы истин и листину, ягода и ягода), вижу, понравилось. «Знаете», — говорю, — на десерт мы томк что-нибудь поинтереснее придумаем». И там же вижу: «будет?» — это девушка спрашивает.

«Нет, не так же», — говорю, — виснеч. Оплать улыбаются и разговаривают веселой. Ну, хорошо, думаю. Время и вечеру, гостей все больше, я работаю, а сам все смотрю, как там мои. Парень что-то рассказывает, но подожду и работаю: «Сегодня работаю с оперением графина. Директор приказал. Давайте что-нибудь пожелать, что тамцуете». Заглянул. Смотрю на своих: девушка парню руку протянула, подалась — и я вижу. Последним уходил из ресторана. «Спасибо вам, большое», — девушка говорит: «Висно было?» — спрашиваю. «Финч, но дело не в этом», — Большое, большое, спасибо!» — и на парня смотрит. Вот как бывает, — говорит Игорь.

Вот, пожалуй, и весь этот ночной разговор — о работе, о профессии. О людях. О гостях, как говорит ребята. Да, им от него из них мы не услышали суховакого «сподетельны или названного «иниент». Здесь живет хорошее русское слово — «гость». Быть может, оттого, что эти ребята — настоящие мастера своего трудного, доброго и по самому высшему счету человеческого дела...

«Ну как мальчишек от реки
Отвадить! —
Вздыхают мамы. — Не было б
беды...»

А в них вдруг просыпается отага
От бесплодной близости вод,
Мальчишки с крутояра вниз
ныряют,
Им смутно очертавя дна видны.
Они собой впервые
выверяют
Обманное чувство глубины.
И снова вверх стремительно

всплывают,
В осколки солнце рыжие дробя.
И вместе с палью шумных кг
смыывают
И детство беззаботное с себя.
Они взростают медленно, упрямо.
На скалах проступают желваки.
Ну разве их теперь отвадят
мамы
От светлого дыхания реки!.

Жизнь, подожди еще совсем
немного,
Мальчишки эти, годы торопа,
Отважно, будто с берега крутого,
Неудержимо
бросятся в тебя.

✿
То явственней, то снова тише
Гром заворачался в лугах,
Как будто по железной крыше
Ходили где-то в салагах.
Понимай сумрачные травы,
И выги развлекла теплым,
Запахла резче, как отравы,
Вдоль по обочине полей.
А туча змея, многоголова,
Клубилась, вспыхивая сна,
Каким-то маленьким

и слабым
Я вдруг почувствовала себя,
Сдавлю грудь тоскою древней
Такой, как в смертные часы.
И радом не было деревьев,
Чтобы укрыться от грозы.
В крошечном грохоте и гуле
Глазкой судьбы наперекор
Я шел, и кадил, словно пули,
Меня ударил в упор.
А я шагал своей дорогой,
Лить голову чуть-чуть склони,
Уже виновая покаянугу
В стезю львицы и огня.
И в сердце что-то прослаилось
Среди презренню к врагам.
Помалось небо, и вздымалось,
И снова падало и огням,
И молния с отливом синим
Взлетала, лихой мрак рубя.
А я шагал большим и сильным,
Внеюче поверившим в себя.
Шагал по рыжым пенным лугам,
У всей природы на виду
И знал, что если будет нужно —
И не такое
я пройду.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Солнце

Дымятся росой поносы,
А воздух как липовый мед,
И, сумрак согнав под откосы,
Кудрявое солнце встает.
Над лесом на выплоши встало
И золотом плещет в поля.
Ночное стращух покрывало,
По-новому дышит земля.
Так было,

так есть и так будет.
И солнцу на небе чести,
Стараятся издавна люди
До солнца душой dorasti.

Плывет оно
огненной птице
Могучей и гордой под стая.
И в малых росинках дробится,
Себя не боится растерять.
Несет свою вахту бесконно
Над ширью лесов и морей.
Смеются два маленьки солнца
В глазах у любимой мойя.
В слепых, неразделанных недрах—
Спрессованный солнечный свет...
Я слыла великую щедрость,
Которой сравнения нет.

✿
В природе все уравнишено:
Просторы суши и воды,
Белокопные цвета внешнего
И тихой осени плоды.
Снега безбрежных полыханье,
Колочая седая стын
И приглушенное дыханье
От зноя бронзовых пустынь.
Степей ковыльное свеченье,
Лесов зеленых теремья...
Всему свое предназначенье
Природа малует сама.
Немало ласки в ней

и строгости.
Она — одна сама,
В ней даме в злобе и жестокости
И то — гармония своя.
Она готовит боль и муку.
Чтоб стоготыжизни выверять.
Льшь, перебой волков в округе —
Начнут к зайцы вымирать.
Давно мы понимаем вроде,
Что есть во всем взаимосвязь.
Но чаще разума

и природе
Привычно принимаем власть.
Пред нею шапки не ломаю,
Идею хозяйски, напролом,
Не очень ясно понимаю:
А что же становится потом?
Идеи в ретвяхи и силе,
Вершима, верхима дела свои,
Не замечая, что в России
Петь стали реже соловьи.
И вот в двадцатом нашем веке
Еще чаще злые чудеса:
Токут безжизненные реки,
Пустуют степи и леса...
А если все старания наши
Вдруг оборотятся бедой!
И для потомков стает страшен
Бетон над мертвовой водой!...
...Природа бедствует и мучится.
Мы властно требуем свое.

Так скоро ли выматеть научимся
Простому голосу ея!
И все же,
Храня от оскуденя
Свой дом, и душу, и мечту,
Мы наконец поймем

и движенья
Ее земную красоту.
Простит нам промах и анимус
Она в терпении своем.
И мы не раз еще
за амнистью
К ней, словно к матери, придем.

Подсолнух

За дорогой,
у пелюта,
меж стелбей краплым сонной
каждый день на склоне дня
клонит голову подсолнух.

Рыжий, длинный и худой,
чудом выживший в ювете,
обездоленный судьбой,
он доволен всем на свете.

Он глядит на мир светло,
ни о чем не беспокоясь,
в благодарность за тепло
солнцу кланяется в пояс.

Неиззяк

Зима с весной борется
в глухом остервенении,
с туше метелью,
как конницу,
бросая в наступление.

Под вечер лупит холодом,
а к полночи
свардадом
взрывается над городом
внезапным снегопадом.

Весна, сойдясь со стужей,
пущается в маневры.
Тепло — ее оружие,
тепло — ее резерв!

Борьба идет как следует,
хоть наперед известно,
что для весны
побеодо
решится повсеместно.

И топчет черес сомнения,
в душе заесь глубоко,
что это столпоноение
кому-то
выйдет боком...

Ах, как мы,
горожане,
неправы,
что редко ходим
на свидания с лесом,
что с обалаками,
рекою,
дальним песком
мы — как ни горюю —
все-таки на квы!

Что незнакомо нам,
как поутру
росою зубы холодит
морощка,
как быстро-быстро
хлопают в ладошки
осинки,
что озбыли на ветру.

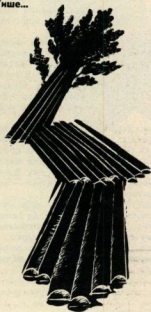
Как зарюс хвостом,
будто веслом,
бьет по воде
за звоном перекате...
Истанет день —
и самый скорый катер
меня учить
завеленный водой
и снова удивляюся я,
как просто
и как мудры
такие законы.
И вдруг пойму —
недаром на балконе
растет сосед
чужие цветы...

Плоты

Ти-ше, тише!
Тише.
Тише...
Спят плоты на Черемыше.

Под покровом темноты
снится им, наверно,
будто снова — не плоты,
но плоты — деревья.
Будто снова стали вдруг
кто сосной, кто дубом,
не познавши сильных рук
древних лесорубов.
Будто снова бродит сон
с брагой под корою...
Сладок их последний сон
под родной горою...

Спят плоты на Черемыше.
Ти-ше.
Тише...
Тише...

Оператор

У гнедой кобылицы
Риснет равнинный рот...
Оператор Петричейей
нунный ракурс берет.
По надвинутой шпале,
по сверкающей ботфорту
хладнокровно,
как смельчак,
он без промаха бьет!
Как фельдмаршал Кузюсов,
смотрит он сквозь века,
ах, да, что французам
недоступно пона.
Над треногой штатива
он наизе, точно гриф.
До чего ж сублиметивен
его объект!
В полублуде кургузом,
среди русских степей,
он,
подобно французам,
промерз до костей.
Но течет кинолента,
замешана, как река,
боль и исощ. нителента,
тешной труд мушкетера.
Чтобы мы поместею
ощутили сильней,
из какового им теста,
от каких мы порей!

ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН

Четвертый день со всех сторон,
лишь спускается прохлада,
покой
взрывает канонада —
открыт охотничий сезон!
Гремит дуллита в тишине,
сверкает огненные вспышки.
И всем понятно:
есть излания
саинца и пороха в стране.
Бьют из скрадов,
навскидку,
влет
по уткам, чайкам, по воронам.
Числом расстрелявших патронов
итоги каждый подобает.
Потом, сойдясь на костерке,
следят по кряеве,
выплют водку.
И, погулзва трофеи в лодки,
отбудут в ближний городок.
Откуда могут знать оик,
как злынина утром,
спозарнок
кричит тоскующей поданок
в петле последней полныин...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Трудно предервать грядущее, но, как мне кажется, на наших глазах растет общечеловеческий мост. Несколько лет назад Михаил Синельников, тогда еще школьник, пришел из города Оша (Киргизия) свои первые опыты. Теперь он студент. Как он пишет о истории далеких новостоев и пробуждающейся древней пустыне, знает у него силы, такая явь, которая ему видится, предла-гаю судить читателю.

Леонид МАРТЫНОВ

Вторая раскопки

Стена небес молочно-голубая
Озера не зыгаема зарниц,
К столам земля с восторгом
Рассыпалась или простерлась ищ.

Иль, может быть, вздохнул остротело,
Точна кремни, вымывшая лес,
Холма круглого мановитого тело
Силоносыло у подножья небес.

И горизонт растаял эфемерный,
И плосности распались, и вода
Пошла струей серебряной и серой
Неведомо отсюда и куда.

И желтый месяц конским глазом
сужен,
И полог ночи звездами расшит.
И тысячей мерцающих жемчужинок
Горит люцими выщербленным щит.

Бредут отары, вспархивают птицы.
Занегае плод, зашевелился нуст...
И красный май, раскрасившийся
Касається овечим сладким уст.

Полны волчцы спокойствием немолочным.
Не ведают стада и табуны,
Ником чабаски или зубом
Их жюкин сочтены и решены.

И вот струя алет ключевая.
Гладит чабы, и теплая вода
Шумит, шумит, как песня кочевая...
Блещит на дне седая борода.

Пора припасть к земле хмельною пону.
Когда, подобны пенным гребням
стада овец, текущие по склону,
Пойдут, как мысли сонные, вразброд.

Не высота, достойная полета,
Но вялая покорность валула...
Стунт одна томительная нота
И в сердце гор и в сердце пастуха.

Но мирный сон наполнил глаз орбиты.
Заснут в седле, и вечность погнет...
Лишь каменное конское счет
Бессмертия отмеривает счет.

А рывакий холм, как дрожжевое тесто.
Кто там идет, что шелестит, не спит...
Лавны камен, тронувшийся с места,
Иль грохот недр, коснувшийся копыт!

Мост

За мелью — мол, и вот легио
Взметнулася молния излома...
И розовет молоко
Размолотого волнолома.

На погладевший вслед
Волны, пружинистой, как жила,

На всплесков сдвоенный каскет
Ты десешь пальцею волножила.

И крыло нежное платно
Под кожей огненно-атласной,
Как бледно-красное вино
В лазури Волги черни-красной.

В очак — вечерняя звезда.
И здесь, за гладью платных,
Стремительные потоки
Сирежеющих воспоминаний.

Но в голубых ручьях кричат
И чайки и сидорожки.
Случай, случай, случай, случай
Водовороты и ворожики.

Мигает бабену кессон...
Меня утомляет полка,
И будет долгим, долгим сон.
И, может быть, приснится Волга.

Она, за сотнями веков
Растаяв призрачно и серо,
Всем сонном сонных облаков
Вернется в сердце Селенгера.

Птицы

От сонных гор — томоволонный холод,
От сонных льдов — пыловый лес теней.
Нурчицы, раскрасивший город
Под птичьим выном мелече и темней.

Земля в снегу — застылевше сравнимо,
Огни степей вздымают тжело...
Но продолжат смутное скольжение
Покорное движению крыло.

Все под крылом упруго и крылато,
Все движется с крылами наравне:
Свеча в окне, звезда в огне заката
И гладь земли в глубоком знамен
сие.

Шумит вода, волной перебирая,
Дрожит волны тяжела рука.
И груз ремя, нахваст крылаев края,
Над головою прохваст берега.

Смешались крылья, круши и стропила,
Потока плосности, соня плоска,
Где человек летает рукорыльи
И в небо устреляющий глаза.

Он так же входит в общую картину,
Однулевше, как ярие дома,
Как вагонный холм, вступающий
в долину,

Нам далеко, скользящее с холма,
Он смотрит вьсье и словно ждет
чего-то,
Но небосвод летящий неждоим.
Но только память с птичьего полета
За ны следит и кружится над ны.

Стрельня звезд, могучих туч порталы,
И тучи птиц, и облаков леса.
Пустынные, природные замы,
Бездонные, как пропасть, небеса.

И только мысль, заставшая
в дремоте,
Вспорнувшая, волнуясь и плеще,
Раскрюется в округлом развороте
Тренещущего птичьего плеча.

стене и, победнее от волнения, старательно, прибавив голоса, продолжает эту песню, грустную и непонятную:

Ой, сморозили,
Ой, сморозили
Уряднична на уне.

И с каждой нотой все выше и выше подымает Колосов свой голос, так и кажется, что сейчас вот-вот и задохнется он на какой-то высокой, обрывистой ноте. Но тут медленный и чуть-чуть глуховатый вторгается в песню голос Веры Михайловны. И вот песня плавно выплывает из знобы во двор, а оттуда на улицу, ободрая прохожих своей плавающей грустью и задумчивостью.

Вера Михайловна, как всегда, на виду — расплутная, цветная косинка сползает с плеч, и глаза смотрят ясно, без прежнего замолка на Колосова, видно, что гордится им, и хочется ей вырваться в песне куда-то на простор, на волежную волю, и она не выдерживает: косинка сброшена на стул, с лица усталая задумчивость сброшена, все забыто, все потеряно, кроме этой песни. Есть на всем белом свете одна эта песня, ради которой, может быть, и живет и суматошно ищет смысла в жизни потоневшая душа человеческая.

И вот уже громкий, преваивающий ее голос догонит голос Колосова, и кажется, что сейчас их голоса сольются, и родится небывалое песенное согласие... Но тут Колосов начинает, как всегда, забывать слова и сбивается, сбивается за ним подголосье и тут же замолкает.

Константин Федорович устало произносит: «Ух!» — и требует себе новой чарочки, а чтобы люди не обижались за прерванную песню, за свой голоса, рассудительно успокаивает:

— Ты сначала развигне мне даб, а потом уже спрашивай. Многоголосые требуют ведущего вокала. Гладковичуца. А у меня, как вы сами слышите, дробовой голос.

— Если бы тебе музыкальное образование, цены бы твоему исполнению не было! — говорит Вера Михайловна, постепенно потягивая после песни.

А Колосов начинает другую, привнесшую им давно с Балтийского флота — «По морям, по волнам!», и опять забывает слова, и опять встывает свой, тут же наспех придуманные, один скороговоркой, иные кругло, распевно, а иные на одном высоком, как замах топором, звуке. Поет и сам знает, что душа его никак не может уместиться в песню, что живет он сейчас на каком-то небывалом разбеге, что и остановиться нельзя. И еще чувствует, что в нем начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

начинает повелеваться какая-то особая, почти вещная талантница, как осколок от мины: то ничто, то вдруг заболит, занеет, и еще чувствует, что в нем

А Моргулин провад до дому Вери Михайловну и все проса позволения поведать ей рuku.

— Не надо, не надо! — говорила Вера Михайловна. — Мне стыдно. Это же глупо, право.

— Отчего же — всеко убеждаа Моргулин. — Глупость не так подерживает умнее, скомако подерживает неволеость. Может быть, всеко движение души — тоже глупость. Душа веда — что то неразумно, понимаете, Верочка. И все-таки глупости надо верить. — И он поцелова ей руку и смотрел в глаза, которые его болясь. — У вас глаза кричат. Вот вы молчите, а глаза кричат, и все у вас обдорозжето. Вы знаете, я хочу, чтобы сейчас шла снег, и чтобы вы зажмурылись, и снес у вас на ресницах лежала...

И еще много говорил и говорил Моргулин. — И от этих слов Вера Михайловна чувствовала себя тревожно-счастливой, знома земля под ногами строилась с места и пошлаа и пошлаа, и они на ней вместе с Моргулиным поехали плавать куда-то далеко-далеко где шая, красивая и значительная земля.

— Слышите, как вы мне нравитесь! — пламля затенные, асковое слова Моргулина.

На мгновение еще вспоминала Вера Михайловна мужа — маленького, вечно существующего в такого галочка. Потом, потом об этом. — уплыва куда-то, пошлаа она. — я сама себе воля...

— Вы роза! — зауничен творила Моргулин, и эти слова сладостно отдавались в сердце Вера Михайловна...

Утром артисты уехали, а Константин Федорович с тоской вспоминал, что ему сказала в банкетный вечер конференция: «У вас, Колосов, талант есть, а таланта нет. Вы придумали себе, что у вас голос. Не знаю, как это вышло, но талант у вас не проявился, а теперь поздно.» И Константин Федорович ушлоа думая, что хороший человек хорошо ходит, словно поет, а плохоа крадется, как вор. Так и его собеседник все крадется, все подкрадывается к нему, а только кажется, неизвестно. А вслух ответы: «Я вот не по годам, а по бокам. Так мне и надо, чтобы зря не надеялся.»

Просто несчастье, что вот Вера Михайловна заборолась в город, к матери, а Колосов и сам не знаа, что толком подумать об этом, толко как-то неудобно ему было перед самим собой плохо думать о жене, и он не решался сосредоточиться на своей тревоге о ней.

Ясно поменялась: как талант, так и душевнич! Знаю я эти таланты да помалкиваю, с ума поскодлая: ах, таланты, ах, душевнич! Знаю я эти таланты да помалкиваю, у них что на уме? Как бы романтич закругрить. А вот ты талант, да друтой...

— А что мне? — сморенно сказа Колосов. — Мне бы Серрежу до таланта довести. Если яблочно вовремя посадить, оно приметса, так и талант в человеке надо растил вовремя, когда он принимается.

Вскоре Вера Михайловна уехала в город.

Шла дни, а она не вернула, так и не вернулся, только прислалаа письмо, чтобы Колосов не беспокоился зря, и в конце письма многозначительно: «А об остальном напишу позже.»

«Да что это такое», — недоумевала он. — каприз и только. Если чем я ее обидела, тогда бы поинтило, а то ведь с асково все, со свойственнот. Конечно, десять лет разницы, и слышала чужой, верочный. И все же если что — нужно по совести, по справедливости». Колосов знаа, что его слух не обманывал.

ныла, а он слышаа, как прямо и доверчиво звучала душа Вера Михайловны. «Совеще человеку дана, чтобы бы она всегда добрый», — утверждаа в своей правде Колосов, — совеще совсем не стыд, и несобственнотому человеку бывает стыдно. Может быть, талантливый люди со своей собственнотвотвот.»

А позже, когда получила от Вера Михайловны новое письмо и тоже ни о чем, с горечью признался сам себе: «Нет, все это я придумываю про людей; по другим они законам, не усиленным мною, живут. А я вот — по совести. А что если? Совеще как выгнот, со всех сторон видно.»

Только теперь он начал понимать, что по стыдбе его еще раз прощаа была, что жена не зря уехала в город и не возвращается. Как-то он пришел к директору совхоза и попроса на неделю отпуску. На другой день он был в городе, но Вера Михайловну не нашла у матери. А соседка сказаа, что за Вера Михайловной приезжаа какой-то мужчина на машине и что они потом видели его по телеэкрану.

— Ага! Поинтило! — только и сказаа Колосов, и надвинув пепухону на глаза, пошла на базар, откуда уходила попутные машины в сторону своего совхоза. И, возвращаясь домой, на расприращивании не отчала и когда приходиа к Яснову вечером поиграть в домино, тоже молчала и от выпития отказывалса.

— Сник Константин Федорович, — говориа он нем Яснов, — шербином сделалса. Штука ли, ни семьи нет, ни вери в себя. Ему бы сейчас в запой, а он — нет! Все что-то обдумывает, как бы руки на себя не наложила.

А Константин Федорович тоскливо чувствотваа, что потеряа какой-то самый главный талант в жизни, что и обижалса нечото: видно, быть ему бессемейным. Только иногда вдруг ему становилса так грустно, что в пору зыть в руки плаку и уйти куда глаза глядят. «Теперь понимаю, отчего раньше уходила в странники: душу, значит, текучую имела», — доискиваясь своей правды Колосов. — Станет двигаться душа, глупщина, и человек строилса с места. Соблазны движут только сначала, а чтоб человек стал странником, нужно засовеститься душой и пожелать крепко кого-нибудь...» И он представлял себе наудич по русской зиме — от села к селу, по большим трактам и степкам, по асково и степам, куда везалек ее рэк и малых, не слышимых даже птицами ручьев, и чем дальше они шагнет, тем поинтавше и светлей становилса на душе: воле так далеко несказанного простора не может душа маленького вырасти...

А Вера Михайловна через два месяца вернулаа — побитая, понурая, глаза к земле опущены.

— Ошиблса я в себе, Колос! — тихо сказаа. — Дурой была... Я все расскажу, если можешь, то прости.

— Не надо, я все знаю! — сказаа Колосов, не вера в то, что можно прощать за что-то. А про себя подумал: «Без таланта своего жила, был бы талант, он бы сделал тебе составной. А чужим талантом не просветилса...»

Посмотрел, посмотрел на нее Колосов: «Ладно, живи!» И больше ничего не сказаа, ушел к Ясновым играть в домино.

А два года тому назад Константин Федорович простудилса, и голос ему вовсе откатаа, и теперь он еще больше стал молчуном. Недавно прислалаа мне письмо, где писала, чтобы к нему в гости приезжала, потому что он «не померк и вошла в себе новый талант». Так и писала, а какой именно талант, забыла написать...

А внизу писалаа присравно совсем по-детски чеповачка, черненького, беззачего, на тонких длинных ножках, и подписала: «Это я. Догадайся?»

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

Я ненавижу бездарей всех наций.
Особенно своих,
Могут признаться.
(Дмитрий Ковалев)

Как ни прискорбно в этом убедиться,
я понял,
что вокруг меня — тупицы.

Какая неприглядная картина!
Тот явно дуб,
а этот вот — дубина.

Скажу с известной долей
в поэзии
засилье кретинизма.

А взять, к примеру, нации Европы:
тут — бездарь,
там — просто остолопы.

Да я готов поклясться праотцами,
что мир наш
перенеслен глупцами!

Средь них и в свой коротаю век,
талантливый
и скромный человек.

Помню, первую дюжину принес...
Пуст читатель поймет сезонный,
Как впервые раскисав я нос,
Поскользнувшись на корню арбузов.

Сколько дум! Дорогая, прости
Я гримасу страдалица корчусь.
Ты, любимая, см. Не грусти.
Я к утру мелуары заколду...

ВОСПОМИНАНИЯ

В жизни свою две другие заместил,
Значимая своего нина.
Вспоминаю забывать мотин,
Вспомниласьа домик, исповная.

Любимая! Живи всегда! Светает!
(Натан Злотников)

Я, признаться, люблю вспоминать,
Здесь работы полно для поэта.
Дрошь саваннону трудно узнать,
Вспоминаю про то и про это.

Вспоминаю любимая Арбат...
Где ты, неповторимая Арбата!
Вспоминаю хороших ребят,
Что мне мылили шею когда-то.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Я ненавижу бездарей всех наций.
Особенно своих,
Могут признаться.
(Дмитрий Ковалев)

Как ни прискорбно в этом убедиться,
я понял,
что вокруг меня — тупицы.

Какая неприглядная картина!
Тот явно дуб,
а этот вот — дубина.

Скажу с известной долей
в поэзии
засилье кретинизма.

А взять, к примеру, нации Европы:
тут — бездарь,
там — просто остолопы.

Да я готов поклясться праотцами,
что мир наш
перенеслен глупцами!

Средь них и в свой коротаю век,
талантливый
и скромный человек.

УЗЫ

Давно не дразнит сверстники меня,
Их не надо.
Резащич несопущим.
Неужто же
Каждыя дед,
Родичине с землю отчей узы?
(Сергей Полинарков)

Все сверстники мон
Вперед ушли,
Во мне ж печальный поворот
свершилса!

Давно я отгоралса
От земли,
Но так и ни в керу и не пришлса.

Мне горячо, жаль
С землей родичищх уз;
Ослабил уз, отгорел румянец...
Неужто больше я не косопуя!
А может быть,
Я больше не разнещ!

Мой отчий край воле меня, зовет...
Чтоб кладовые чувства не оскудели,
К земле я прилеваю
Каждый дед.
Букалюю каждый год,
На две недели.

ЖИВАЯ

ВОДА

Красота родной земли

Алексея НИКОЛАЕВ,
Василия МИШИН (фото)

Добираясь до истоков, которые ни века, ни тысячулетия измерить не могут, вспоминаем мы о далеких соотечественниках своих: им первым открылась красота нашей земли. По памяти память хранит имена простых русских мужиков, что рубили первые избы в глухих дотопе и неведомых краях Руси. Путь туда лежал через те придевать земель, которые искони не мерены были.

И вот рассказывают пожелтевшие от времени грамоты, как в 1623 году поднялся по Ангаре до устья Илимь, одолел пороги и крутой волок, потом спустился по маленькой таежной речке Куте казачий десятник Василий Бугор со товарищи. В сияевогон вечерней дымке увидел он «славною в свете и великую реку». Отсюда по лесам и всям русской земли, через Каминный лес, как звали в старину Урал, обратным путем пошла в столичный град Москву грамота: «И та до великая река Лена угодна и пространна и люда в ней разных земель немецк и сибирск и соболей много и всякого зверья...» Было это в те времена, когда не знали и не могли знать перепроходцы, что река, на которую они вышли, не только угодна и пространна, но и есть самая большая на русской земле.

Недалеко еще ускакал гонец с грамотой, когда уж срублены тут перепроходцы небольшой поначалу острожек, давший жизнь нынешнему городу Усть-Куту и ставший порогом, за которым навсегда познание отысканной на русской земле реки. А ставшая маленького островка на берегу Лены ждать себя долго не заставила: отыскались мушкетерские плотники; смекнув да примерив, одним топориком, без голландской и немецкой инженерии, стали рубить они, спускать на воду дощечки, бревна и морские ящики и звались верфы на русский лад плотбщем. От них и пошла обиживаться Лена — река до самого студеного океана.

В уважение данной традиции можно было сплавляться по Лене на та-

ИЗГИБ ЗА ИЗГИБОМ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ ТИХИЕ ПЛЕСЫ.

ГЛАВНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ РЕКИ — ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЕНСКИЕ «СТОЛБЫ».

«СТАРОЖИЛЫ».

ник вот судах древней конструкции или (не отбрасывая же возможности, которые дает технический прогресс) воспользоваться быстройной крановой, и, должно быть, лет еще десять—пятнадцать назад мы выбрались бы один из этих видов транспорта, но времена меняют и реки. Сегодня на всех наших реках безраздельно господствует мотор. Говорю об этом и останавливаю внимание читателя потому, что лодочный мотор изменил не только внешний колорит жизни реки, но и сам быт и рабочий ритм ее стали иным. Лодочный мотор в жизни речного жителя — это нечто значительно большее, чем автомобиль для горожанина, а весельную лодку на реке встретить сегодня так же трудно, как извозчика в городе. Мотор здесь любит и уважает сама; моторов здесь великое множество и разнообразие, а если приезжий прибурит на реку с нами, еще неизвестным в этих краях мотором, всякой — как бы занят ни был — пожелает поинтересоваться, а с берега

река особенная: она одна вобрала в себя все многоликие ее черты. За четыре с лишним тысячи километров, тех самых километров, которые предстоит пройти по Лене, можно уместить в ней широкое раздолье Волги и тизкую задушливость Оио, холодновою степенность Печоры и неторопливую обильность Оби, бурную мощь Ангара, веерную задушливость Северной Двины и живописность опрятности Москвы-реки, а ручеек, стекающий с Прибайкальского хребта и означенный как исток Лены, напоминает начало наших горных рек. Вот почему, вобрав в себя всю многоликость многих русских рек, Лена остается той особенной и единственной, знания которую ты узнаешь много о красоте и многообразии других рек русской земли.

В верховьях, или, как говорят речники, в верхнем плесе, Лена течет, по обеим берегам укрытая от ветра громами сопки, поросшими темным знойным лесом. Но нет-нет да и влетает сопка в свою сине-зеленую

высокой траве... Ни дать ни взять — верхняя Волга где-нибудь под Ярославлем! А подойдешь ближе и видишь — Сибирь. У домов, крепких и высоких, свемки золотом светят огромные — нине сам в дом — поленницы; зима здесь лютая, долгая, и из-бы потому своего, сибирского толна — толстостенные, с алмазными окошками.

Не стоило бы, конечно, в тысячу первый раз говорить о сибирском гостеприимстве, но аминь его, будучи в этих краях, удаётся не всякому, но говоря уже о том, что составить впечатление о Сибири без этого качества сибиряков невозможно.

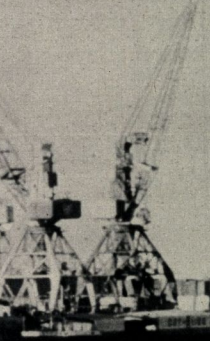
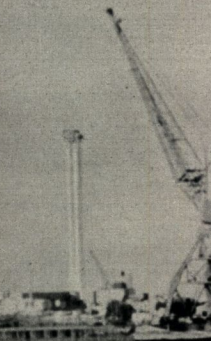
После бани — сибирской бани (две сотни эпитетов, должностящихся сопоставлять понятию «сибирская баня», мы сознательно опускаем, не надеясь, что они дадут тебе бы частичное представление об этом замком рае) — по высокому крыльцу с толстыми ступенями всходящий в прохладный суарак сеней, палящих сеном и свежей брусничной, потом,

о сенокосе, об охоте, о рыбной ловле, о том, что «сей год вода большая, и рыба гуляет, одиноко, о погоде и перепадах на реке, о том, как дед Егор кончался от медведя припад, а пока бего в деревню за ружьем, потерял новую шапку... А хозяйка, которой работа не в загост, а в радость, улыбалась добрым своим лицом, подливает и подливает чаю, каждому вовремя и ни капли не прольет на блюдце. А за окном кремнистый путь над Леной, мерцающие ставоры, тускл свет башенок и ночные гудки расходящихся пароходов. Гудок — долгий, протяжный — плывет над рекой, уходит в сопки и оседает в распадах.

Туман, однако, большой лезет — говорит чужбинь.

Давно уже солнце взошло на востоке и потонуло к югу, но туман плотно лег на реку, укутал сопки, и солнечный свет расторился в нем, не касаясь воды и берегов. Река безымянна; молчат, отставшая в тумане, пароходы, и тишина кругом такая, будто стоит она на всей земле. Надо ждать зарюнк — так называют тут утренний ветер.

Тот он прошевелит по алмазному лугу, но так робко и пугливо, словно жеребенок, едва вставший на тоненькие и неокрепшие свои ноги, впервые пробует ступить, подогривая и шатаясь. Но крепнет ветерок, набив-

губойка, как на мед, бегут пацаны. Один, побочник, из тех, что не пещись, а на четвереньках под стол лезть, утерев носополку, спрашивает серьезно: — Дяденька, а сто у тебя за мотор! — «Нетуни». — А ты говоришь «Москва-25». Это он «механичку-одиночку. — У него бобны такне...» оправдывается тот. — И стартер. — Восемьдесят. — Так надо было «Волжск» брать, одно... А тут еще на посланьице всей голопутой компании заблуждены у тебя, с первого, со второго раза не завелся мотор. Но насильнее не жди: к технике тут относится серьезно и советы дают дельные: — Сядьни заблуждаю... — Искры нету... — Дяденька, заскуну побольше отрой, одно... С танком тут напутствиям да еще советам, где держаться «авальтар», а где и «напрямик молнок», давулся мы в долную дорогу по Лене-реке. Я перебралю сейчас все превозможные степенн богатого нашего зыбна и не могу отыскать слова, способного стать заметком и тому, что мы зовем Леной. И потому не сочтите за банальность, если я скажу, что среди них русских рек Лена —

гряду знойную косую — это нечаястая среди знойных лесов берега наивысшая цвотом осемн. Разбросанные кое-где приди облавки или нетошедшего утрениго тумана медленно сползают по склонам и оседает в распадах, по которым с окрестных хребтов чистым галечным выслынам бегут в Лену шумляные ручьи и быстрые реки. Во всем этом пейзаже еще уме что-то густое, тавожное. Но ядргу за мысом града сопки опадает и полотой сумрачно-зеленый склон переходит в приозумарную луговину. Она отодвигает сопки к невидимым хребтам и далеко, сколько хватает глаз, тянется по берегу, плавно изгибаясь широким речным меанд. А там, на самом краю, рассыпана по зеленому лугу деревенька с красивым и точным именем Коенч-Луг. Но на Лене не пиш повторений, а плуче — однообразия; за каждой излучной реки расширяется своя, малая дель. За градой сумрачных сопки открывается ядргу пейзаж, точно сошедший в этот таежный край с левитановского этюда. Сопки изоизиданно переходят в крутой обрывистый яр, а под ним, закрытая от ветров, притуплялась деревенька Зарянка. В живописном беспорядке среди узкоземных огородах в изощрой ограде стоят над рекой дома с геранями на окнах. С зеленого яра бегут и реке жемчужные тропинки, у воды голоногие пацаны с удочками, нуван окуная в

нагуля голову, в просторную солнечную горинку с множеством светлых, чисто вымытых окошек, глядящих на реку и на противоположный берег с синими увалами лесов. Дом хозяина нашего, Николая Агавича, старый, но крепкий, изукрашенный по фасаду искусной рукой отца хозяина и поддерживаемый теперь в этой простой и крепкой красоте молодым поколением, умеющим, как и водится у сибиряков, делать всюю работу ладно и красиво. Потолок подкрашены саенной краской по старым отцовским узорам. Вдоль сухих чистых стен стоят новые, гладко выштукатуренные лавки, от которых еще хорошо пахнет свежими деревом. На красном полу чистые половники, и от них тоже идет по всему дому хороший, свежий запах. Улыбавая хозяйка легко несет и ставит на стол огромный самовар. В наченных еде боуак, как в зеркале, весь чет сибирского гостеприимства: жаренные в русской печке куропатки с хрустящей золотистой корочкой, крепкие грудины в глиняной миске, солнечный пирог с тайменем, тутая кармашная клюква, пушцовая брусника и старинный деревянный ковш с лядьями, собственного приготовления квасом. — Чай, по обычаям местных, спротивождующий всю трапезу, как нельзя кстати, сполучается беседе, неторопливой, но одинаково всем интересной, —

рассыл сопки; согнул уже травинку, дурную, пришелся по всему лугу, качучу кусты нианка на берегу, взлохотил неподвижную гладь плеса и зашевелил, зашевелил туман над рекой. И туман подается — светлеет, все больше наливается золотом, медленно, как бы нехота, отступает от земли и реки и совсем растворяется в открытом солнечном свете. — И заснула Лена. Отразила ход мысленных облавов, неподвижные сопки, увал за увалом, спускающиеся в берегам. И тут заговорили, заехали по всей реке, по дальним и ближним ее плесам теплоходы, буксиры и катера, начав свою дневную работу. — А Лена — река рабочая, Флот для жизни ее берегам в давнее времена, а сегодня ленским флотом дышит и кормится Восточная Сибирь от Усть-Кута до Ледовитого океана. Без ленского флота нельзя представить жизни знакомых со школьной географии Бодобайских приисков, алмазного Мирного, Вилноя, Алдана — всех тех мест, куда пролегли сегодня пути ленского пароходства. Напряженный ритм большой работы слышен здесь днем и ночью. — Один за другим идут вниз по реке танкеры, освещенные так, что боковая волна переносывается через пазуфу. За грузом, вверх по реке, танкеры возвращаются в балласте, всемою подна нос, на манер торпедного катера. Всю навигацию они работают без

родыта—винд, и Якутск и Тикси, и вверх за нефтью, и Транссибирской магистрали,—чтобы дожить тепло в тундру и Арктику, дать жыть машинам и механизмам на всю долготу полярную зиму. Теплово в этих краях— первое дело.

Но не теплово одним жыть берега по обе стороны реки. Листерам и самоодом работы здесь хоть отбавляй. Какие только грузы не идут по Лене на север: хлеб, фрукты, летские колески, сейсмические приборы, стальные машины, коподлинник, радиоприемник, а толяр и телевизор пошли в тундру. Так день и ночь— всю навигацию, как говорится, от звонка до звонка— живет, работает река. Рабочий флот на Лене не успев еще постареть, и с каждым годом в его полку прибывает. Щеголеватые теплоходы, последние конструкции буксиров и лихтеры, морского типа фюзеляж, новейшие катера— все это сверкает на свергающей реке и переливается яркими цветами свежей окраски. Новые суда лихо разрезают волну, вспенивают

Ноне Ветина распахивает Лена ширь и течет на север, все раздвигая и раздвигая берега. Простора столько, что есть где разгуляться хорошему штурману. Удирит вдургу снизу ветер, раскатит волну по плесу, поседает, налетает свинцом река, и пенясь, пойдут на волнах белые гребешки. Но опадет ветер— и снова сверкает, струится на солнце река. И снова уходящая по обе стороны сопки переменяется утром— туманом, днем— снеговой дымкой отраженного от львов света солнечного света. А река все расширяет и расширяет даль за далью, простор за простором, и не знаяш, какая новая красота ждет тебя за этим, за тем и за всеми другим поворотами. Какоеж, искуство Лене жить в таком открытом просторе, и точно— вдургу за мегом накатит она неожиданно на остров, обойдет его дуаяя протоком, а там глядишь— еще остров, и пошли, пошли острова, которые назавна говорят сами за себя: Таловый, Сосновый, Березовый, Епо-

истинная разгадка такого просветления пейзажа в нием. Ноне по Лене елова и сосновая тайга уступает место лиственнице. Хаю лиственничные немнее, светлой и не так густы, и потому даже в пасмурный, нием, как говорят здесь, морочный, день леса по берегам выглядят так, словно их освещают краснозато-оранжевые лучи солнца. Это другой лик реки.

Много на Лене мест, где даже закоренелый скептик будет дивиться изобретательным причудам природы, а порой и буквально столбеть от красоты, ему открывающейся. За одним из бесчисленных островов и, как всегда на Лене, неожиданно, берега вырастают вдургу в гигантские отвесные стены, река делает зееообразное полено поити под прямым углом. Стиснутая крутым намынным коридором, спокойная долина Лена точно свирепеет; стрелены реки стремительно удирят в один брег и откатываются к другому, вода бурлит, свивается в суводи, и разносый шум густой шум слышен отсюда. Один ружейный выстрел отдаст здесь беглым огнем целой батареи.

Это и есть знаменитые Ленские

густо-синего,— пытался описать многие путешественники и очевидцы, но сделать это с достаточной полнотой невозможно уже потому, что разнообразия цвета, линий, форм и образов, возникающих из нием, значительно больше, чем слов в нашем богатом языке. Циклопические стены, громадищащие над Леной, уже по первому взгляду напоминают причудливые храмы, колоннады на предметах, подводные гроты, готические замки, терема, соединенные между собой вислыми мостами и переволоками, в которых, как в лабиринте, плутать и не может остановиться взгляд. Вот где-то высоко, близки вершины, распахну крылья, стоит ворон, словно задумавшись, как горюла Чехов; стоем догом в удургом потоке и вдургу ныряет в подбесный грот, чтобы спустя минуту выплыть из невидимой арки по ту сторону «столабов».

Глядя на это постоянно меняющиеся каньоны сезоновых выходов, невольно спрашиваешь себя, не отсюда ли брали якутские и эвенские косторезы образы своих удивительных фигурок, которые радуют нас неподражающей достоверностью натуры, общностью, лаконизмом линий и линий и которые искусствоведы вельчают архаичной! Не здесь ли, в Ленских «столабах», увидел не-

ЯКУТСКИЙ РЕЙД В ДНИ НАВИГАЦИИ.

воду мощным винтами, а поодаль фарватера невольно поспешает старого звуку колесный буксир. Широкий и излох, не блещет он красотой современных обводов, не сверкает эластичностью окраски, но есть в нем что-то домашнее, уютное. Работает себе, трудится, тинет, по-стариковски поплаывает на свергающей реке— караван едва ли не в версту. А на баржах— тоже не новеньких, потертых по бортам, с побитыми краями— свергают бело-голубые автобусы, оранжевые тракторы, «Запорожцы» и «Юнгилы», замушущие издалека детским игрушечным, штабеля дюралевых лодок, моторы, контейнеры, громадищащие, явя морские стены, и во всю длину палу бы уложены феры буровых вышек. А вокруг и среди свергающего этого груза идет оторопливая с виду речная жизнь: дымят пещурки, пладо плаполазает ушней, стучится белая на корме, бегают вдоль борта молящие ланки, заливистым гогосам оилка встречать идущие теплоходы. «Вон стоварищ Колесников», советует, синискодиленно улыбнется пассажир с «крателью». Но нет, не слышат ленские речнички сдавать в архаю ленские буксиры, старт и нонье,— исторполиво шипает он пилцами по воде, тинет за собой караван-город и в мезень проедет там, где винтовому теплоходу сидеть на мель. Так что долготь тебе век и три фута под иклем, товарищ Колесников!

Вый, Верхний, Нижний, остров Голенский и то, что в лоции значится б/н— без названия.—

И тут и не могу не сказать о дощичи, потому что характер реки, измеченные ее поводи и вообще, старомодным языком выражается, душу реки без лозком по-настоящему не понять и не почувствовать.

Паустовский говорил, что многому в своем писательском ремесле научился, читая лоции. Язык лоции точен и полнотен; без сулуста и лишнего слов выражает суть дела. Вот наудачу несколько строк из лоции Лены: «Перекат Берендиловский иметет прижонное течение на заходе в верховья в сторону левого берега и сильное сальное течение в прогую вправо, между устьем острова Сенной и подводящим осередком. Во избежание раската правая необходима: при входе в перекат придерживать блоче и правую корму судового хода, в середине переката— ближе к левой корме...»

Если бы лоция не ограничивалась крошкой берега, мы с той же точностью и полнотой могли бы понять, как живет и меняется тайга по обоним берегам реки. А по мере приближения на север пейзаж Лены меняется все больше и замечнее. Переменяются сам цвет его и как бы просветляет. Поначул кажется, что причина в том, что место лесистых сопки по берегам все больше занимают красные, желтые и оранжевые скалы. Но

ещека». Медно-красные скалы— ные в три сотни метров— вырастают прямо из воды, причудливо переплаываются, уходят вверх, и заворачиваются террантовыми вершинами, от которых по каменным руслам бегут вниз и река искривается осми цвета сиреневого куста в тумане. Грандиозность и необыкновенная красота этой картины замечены были еще И. А. Гончаровым, проезжавшим здесь в 1854 году после кругосветного плавания на фрегате «Палада». Картины тропический чудес и морских пейзажей не смогли заслонить в его воображении своеобразной красоты Ленских ещека. «Это— огромные, величественные утесы, начит и мало видны на морских берегах»,— вспоминал писатель.

Казалось бы, после Ленских ещека невозможно уже поразить воображением, и наше эстетическое чувство не отличилось с такой же силой на другие картины лесного пейзажа. Но Лена— река сюрпризов, и отправляясь в путь, наде бы к этому готовиться.

В двухстах километрах выше Якутска Лена преподносит самый величественный свой сюрприз, то, что по праву считается одним из чудес свеза— Ленские «столабы». Эти баснословные названия на берегах Лены, сложенные фантазией природы из разноцветного и постоянно меняющегося цвета камня— от ярно-красного до бледно-желтого, от опалового до

известный мастер теперь уже знаменитую Оленинскую русалу, которую недавно нашел рыбак в якутской деревне и которая украсила сегодня экспозицию Оленинского краеведческого музея! Думать хочется именно так, потому что слишком сильные и величественные впечатления образуются здесь, на художном, чтобы не стать предметом искусства.

Но вот «столабы» постепенно уходят, как бы вкрасая в берега, в чрево земли, из которой и подымаи ли природа. Лена снова выходит на открытые просторы, разливается на бесчисленные протоки, по берегам которых едва угадываются створные знаки, а моренной берег ложится где-то далеко, невидимый в синей дымке. И даме лоция, спастельщица-лоция, похожа здесь на лабиринт из островов, на которых светится больше и являе озера. Звездчатые перекаты, Доло идет к зиме, и перелесною пернатого царства на юг. Ути сбиваются в стая, и все время встречаются одиночек, не успевших завести крылья, в стаях посквывая на небо, точно тантруются, набылись сил перед дальней дорогой. Но с высоты издалека отчетливо слышен шум и анголосный свист крыльев, в стаях посквывая на небо, голову и опускают крылья, долго провозмещая их взглядом и слышавше уходящий шум утиной стаи, глядишь, как стелению пропывает над тобой, гортуно гомола, караван гусей, нием, поднимающийся на дальние болот, чертат по небу длинный красивый косы журавля, оглашая все окрест медовым и звонким своим курлыканьем. Торжественный этот

СКОЛЬКО ВЕКОВ ЭТИМ КАМЕННЫМ ИСПОЛНИЛИ

звон стоит до снега в огромном и высоком небе Лены, над рекой, над островами ее и протоками...

Заглядываясь на отлетающие пичий стаи, не заметишь, как где-то в просвете протоки, далеко на горизонте, открылся большой белый город, такой несимметричный в этом первозданном мире. Но, подобно призраку, город опять уйдет за изгиб реки, и долго еще придется плутать протоками, обходить острова, заросшие тальником и лесом, обгладать песчаные косы с темнеющими на них следами сохатого, чтобы выйти наконец к Якутскому реиду. И тут иной мир, шумом и разнообразием огромных кранов над причалами порт сразу напомнит о времени. А потом, ходя по Якутску, городу по-европейски омыленному и по-сибирски красивому, с его театрами, музеями, университетом, филиалом Академии наук, с великим трудом представляешь, что исторически не так уж и давно был он на карте Российской империи тем углом, куда Макар телят не гонял и куда по своей воле охотников добиралось не густо.

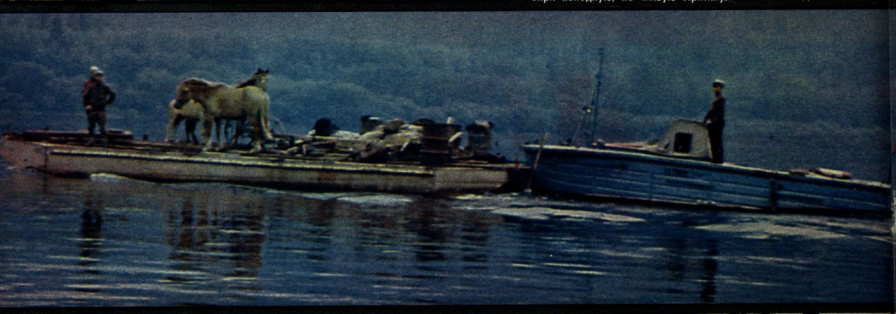
А имсть это, равно как и к Якутску, приманива на всей великой русской реке, разбуженной ото сна временем и людьми, обновленной, но такой же первозданно прекрасной. Видеть и чувствовать это бушешь на всем долгом пути по реке, до самого его окончания, когда Лена, вобрав в себя сильные и чистые потоки Алдана и Вилюя, раскатится морем по тумаре, разобьется на сотни протоков крупнейшей на земле дельты и падет в океан, согрет летним дыханием Сибири холодной, но живую Арктику.

ПОДАРОК СИБИРСКОЙ

С ТАЕЖНЫХ СОЛОК БЕРУТ ЧИСТЫЕ ПОТОКИ.

РЕКА ДАЕТ ЖИЗНЬ ВРЕ

КИРЕНСК — ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД НА ОСТРОВЕ.

а окрине Гязани есть завод, где делают тяжёлые прессы, «мануштуралы» для кузнечных цехов, легко вращающиеся тридцатитонные слитки, ковочные машины и другое оборудование.

Тяжелый пресс не шариковый подшипник и не автомобиль, его не собирают на конвейере. Я видел гигантский пресс, способный выдавить тонкий, — 5 тысяч тонн, — это многотонный дом, соединённый сложными механизмами. Когда я был на заводе, этот пресс как раз испытывали. Мне сказали: «Сегодня ночью дали полную нагрузку, а потом довели усилие до шести тысяч тонн. Белье в порядке».

Мне по-человечески было жаль, что эту сильную машину, которую так заблуждали и долго собирали, теперь опять разберут. Потом детали погрузили на платформы и перевезут туда, где прессу предстоит работать.

А завод получит новый заказ — какому-то предприятию понадобится совсем другой пресс, не похожий на тот, который завод только что сделал. Бывает, иные машины повторяются, но все-таки эти не те повторили, а новые. Я выбрал темой бесед в Гязани и индивидуальную, ее место в заводской жизни. То обстоятельство, что примерно треть части заводского коллектива — молодежь, лишило усиленно мой интерес. И хотя беседующий, конечно, оказался люди зрелого возраста, в этом было особый смысл, ибо разговор об инициативе не прост.

Первые свои вопросы я задал главному конструктору завода Олегу Исосфовичу ИСОСФОВИЧУ.

— Олег Исосфович! Что значит для вас понятие «инициативный человек»?

— Значит прежде всего человек знающий в широком смысле слова. Человек творческий, стремящийся к совершенству. Ибо без знаний нет творчества.

Я приведу svojий пример... Если пойдете на сборку, попросите показать вам горизонтально-ковочную машину усилением 250 тонно-сил. Она почти голая. Вот-вот начнем испытание. Горизонтально-ковочные машины, вообще говоря, используют для прокатки листовых изделий. Селезняк усталость. Можно сказать, стала классической. Вот тут у меня в столе книжка, которую я написал с одним товарищем лет десять назад. Перелистайте ее — увидите всех горизонтально-ковочных машин почти одна на другую. Наш завод — завод лизируется на таких машинах, и одной из них — машину усилением 1 250 тонно-сил — присвоено государственной Знак качества.

А рассказываю я все это вам неспроста... Помучили задание: освоить производство горизонтально-ковочных машин усилением 250 тонно-сил, казались бы, особенного! Выполнить по известной схеме — и все дела.

Но любой конструктор бюро горизонтально-ковочных машин знает, что у классической машины есть некоторые принципиальные недостатки. Например, французская «куфта» машина является источником перекоса потребляемой энергии, содержит в себе выстроизнаваемые элементы. Это тоже своего рода «классика! Так как же поступить конструктору!

Приходит ко мне начальник бюро горизонтально-ковочных машин Александр Савинюк, человек знающий и инициативный, увлеченный своей работой, и предлагает: «А что если сделать эту машину вообще без фрикционной муфты? Практически это означает: сделать машину по совершенно новой схеме — впервые в мире. А потребность в них такова, что можно ждать большой [по масштабам нашего индивидуального производства] серии ежегодно. Забегая вперед, скажу, что сейчас, в 1972 году, опытный образец этой машины стоил 250 тысяч рублей, а в плане завода 30 таких машин, да в том числе на экспорт! За срым такти задания, фигурально выражаясь, снимают головы. А Савинюк «проявляет инициативу!»

— Конечно! Правда, вы можете сказать: на то вы и конструкторы — делайте быстро и хорошо, чтобы новая машина прошла сразу. Но это может быть или только в очень старых сказках или в очень новых романах. На самом деле чистовая разработка новой машины — процесс не менее трудный и длительный, чем само проектирование.

— И как же вы поступили!

— Наверное, можно было сказать: «Брось, Евгений Андреевич! Тебе что, спать сплюнуть надоело!» Но посмотрел я его предложение,

Рабочая трибуна «Смена»

ЧЕТЫРЕ МНЕНИЯ ОБ ИНИЦИАТИВЕ

проанализировать и согласился. И вот она, стонт на сборке, машина без муфты... И что тут еще интересно: ведь двадцать лет назад я был конструктором аналогичной машины, сколько их потом сделали... Теперь Савинюк — и все как бы повторилось сначала. Только та моя машина кажется мне теперь очень старой и даже, может быть, прамитивной.

— Таков ваш личный опыт пережитого в связи с предложением Савинюка... А для самого Савинюка? Помогает ли расти «ему инициативность»? Есть ли здесь какая-либо зависимость?

— Это как понимать... Порой понимаю слово «расти» лишь только как «продвигаться наверх». «Вон он, — указывают на человека, — вырос!» Значит, занял какую-то должность. А вот как расти конструктору!

Конструктор, если он хочет действительно быть конструктором, должен сидеть на одной рабке году.

Но ведь все понимают: вон какую Савинюк мощь набрал! Голова! А работает «простым конструктором». И начинают исывать, как бы человеку помочь. Начинают его «продавать». Куда! Воткну, в каике-нибудь «начальника»!

А Савинюк таким манером «расти» не хочет. И, скажем, другой квалифицированный человек, Азаров, тоже не хочет. Дошел до начальника бюро и говорит: «А дальше — увольте!»

— Почему же?

— Посмотрите: у меня в кабинете чертёжная доска нет. А раньше стояла. Потом решил: «Или же держаться «за красноту!» Не нужна стала. Вот и они боятся этого — стать администраторам.

Настоящий конструктор ни за какие блага не захочет расстаться с творческим трудом. Таковы и Савинюк, и Азаров, и досюда другот. Сам он понимает «расти» как чисто творческое совершенствование. Верный взгляд. Но тогда оплата труда, ставки, тарифы — все это должно быть более гибкими. Такой, как Савинюк, может, и будет весь свой век жертвовать земными благами, лишь бы его от любимой работы не оторвали. А другой, не менее талантливый, жертвовать не захочет. Или по каким-то причинам не сможет...

— А можно ли «планировать инициативу»?

— Приведу абстрактный пример. У всякого конструкторского бюро должен быть свой «звезд». Замысли, идея... О них до поры никто не должен знать. Нельзя «идею», мелькнувшую мысль, включить в «план». Надо восторженное ее «обдумать». Но ведь как еще бывает?... Прослышал, не менее талантливые, жертвовать не захотят. И замысли, которым еще дозреть надо, в «план» — такую-то машину создать ровно через двенадцать месяцев!

Инициатива обернулась для конструктора нервозной, гонимой. Порой начинается взаимное неудовольствие. Один руководитель сообщает другому: «Выполнили!» — и ставит своего подчиненных «задом».

А что, скажите, в этой ситуации делать, допустить, или, конструктору! Создать машину за двенадцать месяцев и не могут, это ирреально... И тогда я, как прожженный бюрократ, начинаю строить вокруг себя «букашки забор!» И если вы ко мне являетесь и спросите, почему я срываю сроки, вы выслушаете толстую папку, целый том, где дано у меня будет подлинно. «Вот — скажу я, А то, что толково для одного предприятия, может быть вовсе не пригодно для другого... Иной раз меня

ваши свои слова канцелярши. И будет видно, что я ноюч не спорю, «боролся!»

Начавшийся с главным конструктором разговор требовал продолжения. Новое дело без инициативы немислимо. Но можно ли, проявив инициативу, застраховать себя от риска? А если изобретение будет неудачно? Если новая технология принесет заводу не прибыль, а убыток!

Эти вопросы встают перед каждым, кто решает переступить черту привычного, знакомого, устоявшегося. Кто отказывается на поиск нового. А среди них не только конструкторы, инженеры, технологи. В графу «профессия творческая» давно по праву вносятся современные рабочие. Поле их инициативы не один конкретный проект, а все, чем живет цех, над чем работает завод.

Я обратилась к формировщику Н. В. КРЫСАНОВУ: — Николай Васильевич... Как уживаются вместе инициатива и риск?

— Без риска порою трудно обойтись... Мы долго заплывали одну ступню, как мы выражались, «в закрытую». Другими словами, накрывали ее сверху оплокой, как настирою крышину. И брали цел «страшный! Порой из двадцати станин — шесть штук с газовыми и шланговыми раковинами. Стали думать: что делать! И пришла мысль заливать «в открытую». Иду, значит, я к технологу: так, мол, и так, объясняю. А он мне: «Нельзя, услада будет!» Что делать? Я, конечно, дока зываю, спорю, убеждаю, а он свое: «Хуже будет!»

— И что же вы сделали, Николай Васильевич? — Мне все осталось одно выход — убедить не доводом, а фактом. Залезавшим у нас люди копыт. Вот я им и говорю: «Залезайте, ребята! Они залили, и все вышло, как рассчитал. О браке теперь забыли.»

— А был ли риск? — Конечно. Превьющая технология устоялась, кто-то головы ломал, ее разрабатывали. Разом отказываться трудно. Нужны гарантии, что инициатива не обернется заводу убытком...

— В чем же вы видите эти гарантии?

— Тут надо учитывать, что у человека, кроме инициативы, за душой. Бывает, рабочий знает много, а фактом. Залезавшим у нас люди копыт. Вот я им и говорю: «Залезайте, ребята! Они залили, и все вышло, как рассчитал. О браке теперь забыли.»

— Знания нужны — вот что. Чтобы самому не оплохотеть и чтобы не вслепую работала.

...Я сопоставила слова формировщика Крысанова с одним высказыванием первого завода Евгения Ивановича ШОЛУХОВА. Разговор об инициативе был для партога близок, и он сказал мне примерно следующее: «Инициатива человека, который пледу: кто знает свое дело, не дает пользы, а оброчивается хлопотами. Правда, он считал, что просто так, отказом, тут действовать нельзя. «Тут надо каждого...» — сказал он — «выслушать. Поблагодарить, порекомендовать учиться...»

— Евгений Иванович! Иной раз молодому рабочему совету: «Выступи с инициативой!» Хорошо, если он близка рабочему по духу. А если чужда ему, искусственная...

— Люди после такой инициативы и к серьезному делу начинают относиться скептически, вот в чем беда! Не нужно надуманных инициатив, они обесценивают подлинное творчество. Если хоро, как-то дело, допустить, для участия, не спешить распространять его на весь завод. А то, что толково для одного предприятия, может быть вовсе не пригодно для другого... Иной раз меня

С главным конструктором Рязанского завода туляцкого кузнечно-прессового оборудования
О. И. НЮНКОМ,
рабочим-формовщиком Н. В. КРИСАНОВЫМ,
парторгом Е. И. ШОЛХОВЫМ,
главным инженером И. Я. ЛИТТОМ
Беседует специальный корреспондент «Смены»
Владимир ГЛОТОВ

еще спрашивают: «А как вы сдаете прессе с первого предъявления?» И когда я отвечаю: «Все сдам», — разочарованно пожимают плечами. А как его, пресс, сдать, с первого предъявления? Это не электрощитовик. Его строят года. Тридцать раз к нему подождать, пока скажете: «Все в порядке! Разберите, сдайте!»

Народная инициатива — это наше богатство. С ним обращаются надо бережно. Центральный Комитет КПСС в постановлении «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» указал на недостатки в этом деле и подчеркнул, что важно «...современно подходить к его новому, что рождается творчеством масс». Парторг Е. И. Шолохов коснулся важной стороны темы. Есть два взгляда на инициативу, два отношения к ней, два понимания ее сущности — как есть подлинное творчество, почин, рожденный в недрах рабочих масс, и есть кабинетные сооружения, именуемые «борьбой за инициативу». Иные работники не могут обойтись без слова «борьба». Если человек пятнадцать часов не вылезает с завода, о нем говорят: «Он борется!» — А может, не умеет нормально работать?

Евгений Иванович, еще один вопрос... Что, по-вашему, движет рабочим, когда он начинает что-то делать самостоятельно? — Часто рабочий начинает проявлять инициативу потому, что просто хочет помочь другому рабочему и своему коллективу. Это — самое естественное и здоровое желание. Вот объединенный пример, какой в каждом цехе масса. Николай Васильевич Крысанов, формовщик, красит перед заливкой стержни сам, хотя это в его обязанности не входит. Я его однажды спросил: «Почему красишь, Васильевич? А он мне в ответ: «Я получаю минут сорок пять, но зато обрубчин слабею скажут».

Представляет труд обрубкою! Обрубком молотком надо вырубить из металла все лишнее. Работа очень тяжелая и вредная. А Николай Васильевич Форуму для отливки изготонит и покрашит так, как никто не делает. И как следствие — в несколько раз снижается трудоемкость работ на обрубке.

Когда люди долго работают вместе, привыкают друг к другу, да и сами предлагают свои руки и ум соседям или обратиться за поддержкой к такому же, как и сам, рабочему, становится естественным делом... Шифровщик Юрий Козлов решил выпилить пятитонную досочку. Хорунжий Василий, как мы в таких случаях говорим, с инициативой... Но хватил ли ему собственных сил!

— Вы хотите сказать, что заявить о своем желании чего-то добиться — это еще не инициатива? — Вот именно. И Козлов это не захуе на с вами понимает. Он умный человек, все рассчитал. Вот только один маленький пример. Он видит: токарь оставляет ему, шифровщику, 0,4—0,5 миллиметра. Как будто все правильно по технологии. Но Юрий соображает: «Так в высокой производственной не дама!» И он идет к токарю. «Послушай», — говорит, — Тебе резцом снять несколько десятков тысяч стружки, один прохоро! Ты оставь мне 0,4, а 0,2 я сниму резцом».

— Но всегда ли бывает так, что рабочий проявляет инициативу в пределах своего рабочего места, своей операции и сам — или с помощью другого работника — добивается успеха? А вот другой. Анатолий Нестеров сказал мне: «Я проявляю идею... Планирование на неделю. Но ведь это не от него, как говорится, зависит».

— Я знаю Нестерова. Это отличный рабочий. Планирует орденно. Но об этом случае я не слышал...

— Видите ли... Как мне объяснил Анатолий, суть заключается вот в чем. Нестеров замечает: сегодня он делает тулку, а завтра также же тулку делает другой токарь, а ему надо переставить станок, переналадить. Он соображает: «Это неразумно».

— Так... Понимаю, как он хочет. Иметь список деталей на неделю. Кстати, Юрию Козлову администрация пошла навстречу, ему планируют работу на много дней вперед... — Может, потому, что все знают: «Козлов выступил с инициативой».

— Отчасти и поэтому... А что Нестеров предпринял? Он вам не рассказывал! — Сказал, что понимает: планирование зависит не от него, а от цеховых плановиков. Ходил к начальнику цеха. Тот будто бы поощрял: «Вызову плановиков!».

— Но дело не делается с места... И Нестеров, конечно, неудоволен. Понимает, это интереснейший случай! Парализмыслим, что же произошло. Я знаю, в цехе, где работает Нестеров, их хватает 47 станочников. Справится с программой можно лишь при условии, если каждый рабочий — и Анатолий в том числе — будет выполнять собственный план на 30% процентов. Реально это! И вот Нестеров, конечно, понимает, как он поступает дальше! Он ищет внутренние резервы. Такие, которые позволили бы ему работать производительнее. Он видит резерв в планировании, но планирование не от него зависит. Он выдвигает свою идею. Предложить, чтобы у него инициатива добавлял кому-то хлопот, и ее не поддерживают.

— Значит, подобная инициатива неуместна? — Напротив. Даже наоборот! Ведь она в интересах производства. Нужна забота. Рабочий, проявляя такую инициативу, показывает свою гражданскую зрелость, небезразличие к общему делу... Представьте реально: Нестеров — творческий человек, много имеет технических предложений, первым думать, так можно ли его ограничить: «Ты думай и мысль резервы вот от сих и до сих! А за эту черту не переступай!» Нет, так не получится! Рабочий, прошедший школу технического творчества, начинает мыслить широким. Но вот как ему добиться своего, реализовать замысел — это вопрос! И здесь Нестеров оказался, к сожалению, не на высоте. Он ведь у себя в цехе член ПДПС — постоянно действующего производственного объединения. Предстоит же «Надо собраться. У меня есть вопрос! Начальник цеха, где работает Нестеров, мог и просто забыть, что обещал Нестеру «разобраться». Но если отвлечь от него потребует ПДПС, он или отмазается. Тут, будь любезен, дай отчет обоснованным.

Надо воспитывать в людях чувство хозяина своего завода. И надо помогать им свою заботу о заводе проявлять. Постоянно действующее производственное совещание, на мой взгляд, хорошая форма участия рабочих в управлении, в делах предприятия.

...Я сидел в кабинете главного инженера завода Илья Яковлевича ЛИТТА, готовясь продолжить разговор об инициативе.

Открылась дверь, вошла группа молодых людей — студенты из Рыбинска, приехавшие на завод на практику. Три девушки и двое ребят скромно присели к полированной столу, за которым обычно рассаживались конструкторы и технологи, начальники цехов и служб, и И. Я. Литт, сняв очки и как бы иначе подобрев, спросил их: «Кто вы? Как называетесь?» Студенты пожали плечами.

— Если все будет легко, — сказал главный инженер задумчиво, словно сам себе, — настроение во мне испортится».

После спросил уже другим тоном: «Намерены остаться на заводе? — На распределение куда...»

— Так... — проговорил Литт и, обернувшись к человеку, который привел студентов, распорядился: «Пожалуйста, попросите их выразиться, как вы относитесь к традициям... А вам совету: возьмите для своих дипломов наши заводские темы. Выберите самые наши «бракосносные» детали. Из полутора тысяч, быть может, наберется несколько деталей, над которыми мы работаем. Но не можем отыскать правильных путей отсюда. Попытайтесь счастья! Кто знает, может быть, ваш свежий ум поможет! Рискните!»

Дверь за студентами закрылась. Мы остались с главным инженером вдвоем. — Илья Яковлевич, мы часто употребляем в обиходе выражение «инициативный человек...» Каждый ли способен быть таковым или инициативность — это особая, редкая черта характера?

— Мне кажется, любой человек имеет определенный запас возможности проявить инициативу. Нам, людям, свойственно мыслить, творить. Вопрос в том, дадут ли различные обстоятельства нам возможность выразиться, проявить инициативу, которую мы име напомним, печально известно и другое: «Глушить инициативу!»

— Но понимаете, какая вещь! Проявляет рабочий инициативу или не проявляет — это начинается все тогда, когда человек чувствует себя свободным. Есть работа, которая глушит всякую инициативу, и есть труд, который сам по себе требует инициативного рабочего. Вот мы говорите: «Глушит и не инициативу». Это можно поймай как эпизод, как впадение в патолом, или, опять трудясь без инициативы. Но может быть и по-другому. Инициатива как сущность поведения, как постоянное качество во время работы.

Вот, скажем, на «Ленинград» станке расточник обрабатывает детали. Это около... Одно литье стоит 30—60 тысяч рублей! Испортишь такую деталь — убьешь дело заводу!

— Где же тут место для инициативы! — Дело не в этом. Дело в том, что человек работает не ради денег. Всех премия работы не предосторож. В массовом производстве рабочий мог бы «заучить» приемы работы, а у нас через месяц-полтора расточник встретится с совершенно новой своей работой. Он должен обладать не только достатком знаний — и пухлую книгу «Технология». Он заранее все изучит и уже на этом предварительном этапе знает много своего. В его голове уместится и «конструктор» и «технолог». И человек будет думать, искать, изобретать, представлять, если вот так год за годом! Человек тренирует мозг, не мыщит рук. Сам труд, очень непростой, заставляет, а это действительно становится для рабочего «рабочий», естественным делом.

Вы были в цехе! Видели стеклянное сооружение в центре порога, похожее на огромный аквариум! Это наш «УСП», участок универсальных сборочных работ. Рабочие на этом участке работают как конструкторы. Токарю, допустим, никак не обойтись без приспособления: сложная работа. Что делать! Можно отлить из металла громадный «кондуктор», чтобы потом, используя его разную часть, изготовить приспособление. Или можно войти в стеклянное сооружение в цехе, обратиться к такому же рабочему: «Давай придумаю приспособление». Распалста на столе чертежи и через час или два чудное на вид сооружение из металлических деталей — прочное, выдерживает, подогнано, и оно будет на редкость удобно токаря в работе. Вот это и есть «УСП». В цехе, когда токарь выполняет работу, ребята разбегутся, кто спешит сделать приспособление, кто спешит сделать работу. Кто знает, может быть, пригодится. У них на стене своя копия таких озарений, когда напряжению работы их мысль, когда конструирование шло в голове, и так же с голыми плечами, едва успевала материализоваться, замыслил. Я думаю, что были радостные для них минуты — чем, по сути, отличается это творчество от творчества конструктора! Момент, сложность задачи, и только... Человек так спешит, так спешит, так спешит, что не знает, какие варианты, отвергает мысленно одно и создает другое. Мыслила ли такая работа без того, чтобы проявлять постоянно себя, свое «я»...

А теперь судите сами, разве сложность вот такого рода работы не развивает рабочего естественную проявлять инициативу!

Иван ОСИПОВ,
кандидат педагогических наук,
член Всесоюзного Совета
по физкультурному комплексу ГТО

Лев БОРОДУЛИН, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

и хотим всесторонне развить человека, чтобы он умел хорошо бегать, плавать, быстро и красиво ходить, чтобы у него все органы были в порядке, словом, чтобы он был нормальным здоровым человеком, готовым к труду и обороне — эти слова Михаила Ивановича Калинина, сказанные им еще в довоенные годы, можно было бы поставить эпиграфом к нормативам нового комплекса ГТО, вступающего в силу нынешней весной.

Новый Всесоюзный физкультурный комплекс — это не очередная массовая кампания, рассчитанная на призрачные и активные занятия спортом миллионов советских людей. Значение нового комплекса гораздо шире — это акция государственного масштаба, имеющая глубинные социальные и экономические корни.

Убывающий ритм жизни, небывалый размах научно-технического прогресса предъявляют жесткие требования к физическим способностям, к подготовленности человека, живущего сегодня, и они, эти требования, будут еще выше завтра, и тем более в 2000 году, когда мальчишки и девчонки станут основной производительной силой общества, займут командные места в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре.

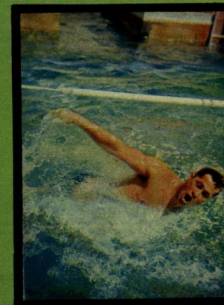
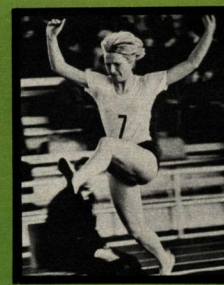
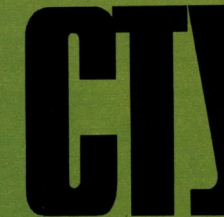
Современная жизнь требует от человека не только периодического повышения знаний, но и принципиально нового отношения к самим физическим способностям. Уже сейчас существуют профессии (летчик, шофер, оператор прокатного стана и другие), в которых острые ситуации, требующие ответных физических усилий, поступают со скоростью 2—4 сигнала в секунду. И даже профессии менее героические, такие, скажем, как продавец, станочник, строитель-монтажник и даже парикмахер, заставляют демонстрировать скоростные качества, координационные способности, точность и силу давящей, острой внимательности.

Далеко не каждый способен стать мастером спорта или разрядником, но общая и специальная физическая подготовка нужна всем, без этого в жизни просто не обойтись.

Новый комплекс ГТО будет основой советской системы физического воспитания, он должен способствовать формированию морального и духовного облика советских людей, их всестороннему гармоническому развитию, сохранению на долгие годы крепкого здоровья и творческой активности, подготовке к высокопроизводительному труду и защите Родины.

Идеальная направленность комплекса, четко выраженная в девизе «Готов к труду и обороне СССР», придаст глубокое содержание трудовому и военно-патриотическому воспитанию молодежи. Она конкретна и осязаема, так же как конкретны требования и нормы самого комплекса, сдача которых становится гражданским долгом каждого советского человека.

Содержание комплекса ГТО, его нормативы оправданы многолетними научными исследованиями специалистов по педагогике, физиологии, гигиене,

НАЧАЛСЯ ВЕСОСОЗНЫЙ ЭКЗАМЕН ПО НОРМАТИВАМ КОМПЛЕКСА ГТО, ПОВЫШЕННЫЙ 50-ЛЕТИЮ СССР

В одном из ближайших номеров «Смея» расскажем о том, как пройдет этот спорт физический и психофизиологический, педагогический и социальный и мужской.

психологи. Каждая цифра, каждое упражнение взяты не «с потолка», они имеют прочный фундамент и прошли проверку на много тщательнее, чем, к примеру, новый самолет в авиации.

Все виды и нормы комплекса имеют четкое физиологическое обоснование. Гимнастические упражнения, например, помимо чисто гигиенического значения, направлены на развитие координации движений, на развитие провальной пластичности своиста мозга. Бег на скорость приспосабливает организм к выполнению работы в условиях кислородного голодания. Кроме того, он вызывает тонкую регуляцию процессов возбуждения и торможения, умение быстро сокращать и расслаблять мышцы, а в целом готовить организм к выполнению работы с максимальной мощностью. Кроссы и бег на лыжах вызывают более умеренные сдвиги в состоянии нервной системы, но зато они приспосабливают мышцу и длительной работе.

Метания и прыжки способствуют развитию скоростно-силовых качеств с нагрузкой на верхнюю плечевую пояс и нижние конечности. Такой прикладной вид спорта, как плавание, является в то же время эффективными средством тренировки органов равновесия и дыхания. Подтягивание и замена его виды приспосабливают организм к силовым напряжениям, которые часто встречаются в жизни каждого человека.

Комплекс построен по принципу постепенного повышения требований к физической подготовке человека. Пять ступеней ГТО охватывают все этапы нашей жизни, а двойные нормы в каждой ступени (золотой и серебряный значки) должны вызвать стремление к самосовершенствованию, дух соревнования, без которого немалый спорт.

Итак, в новом комплексе ГТО 5 ступеней (раньше их было 3—5 ГТО, ГЗР и собственно ГТО), и каждая из них является в полном смысле этого слова ступенью на пути к физическому совершенству.

Начинается комплекс со ступени, называемой «Смелые и ловкие»,—это название подчеркивает направление физического воспитания юного поколения — детей 10—13 лет. Мало показать у них быстроту, силу, вы-

носливость, необходимые в их дальнейшей жизни двигательные навыки; дети должны быть именно смелыми и ловкими. А став старшие, они поднимутся на следующую, вторую ступеньку — «Спортивная смея». Название это выбрано не случайно: ведь именно в 14—15 лет наиболее ярко проявляется спортивный талант, открываются двери в страну Большого спорта.

В 16—18 лет происходят серьезные события в жизни юношей и девушек: они заканчивают среднюю школу, определяют свое будущее профессией, а 18-летние парни призываются в армию. Поэтому-то третья ступень (заменившая комплекс «Готов к защите Родины») названа «Сила и мужество».

У четвертой ступени — «Физическое совершенство» — требования и нормы особенно высоки. К 19—22 годам завершается физическое развитие человека, он способен добиться наилучших результатов в общей и специальной физической подготовке. Здесь вы можете показать не только «серебряные» и «золотые» результаты, но и добиться высшей награды — комплекса ГТО — золотого значка с отличием. Обладатели такого значка должны быть не только отличниками по общей физической подготовке, но и выполнять нормы первого разряда по одному из видов спорта.

С этой ступенью вы еще встретитесь, когда вам будет 29—39 лет

смогут показать даже удовлетворительные результаты по нормативам своей ступени. Как видите, цифра невелика.

Она охватывает людей, относимых к так называемой третьей медицинской группе. 30—45 процентов способны показать удовлетворительные результаты, а от остальных следует ждать более высоких оценок.

Хочу сразу же оговориться, что основная часть претендентов на значок ГТО находится в возрасте от 10 до 30 лет, когда возможности велики, а отек — минимальный. Итак, если вам 18 лет и если вы были добросовестным учеником на уроках физкультуры в школе, техникуме или ПТУ, то вы, конечно же, сможете (может быть, выложившись до предела) показать 14,2 секунды на стометровке, прыгнуть в длину на 440 сантиметров или в высоту на 125, метнуть гранату на 35 метров, проплыть 100 метров за 2 минуты и т. д. Проверьте себя и, если сможете, считайте, что серебряный значок ступени «Сила и мужество» уже поблескивает на лычке вашего лыжника. А вот для золотого значка в беге на 100 метров нужно скинуть

(29—34 года у мужчин), но уже при пониженных требованиях. А мужчинам и женщинам старшего возраста отведена пятая ступень — «Богатство и здоровье».

У многих может возникнуть вполне законный вопрос: способен ли нормальный, здоровый человек со средними физическими данными сдать нормативы комплекса?

Я уже говорил о том, что новый комплекс ГТО разработан коллективом ученых, многократной специализацией. Бригада Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры проверила каждый норматив на соответствующих возрастных группах в различных зонах нашей страны. Данные, которыми мы располагаем, позволяют с уверенностью утверждать, что лишь 8—10 процентов в каждой возрастной группе (у старшего возраста до 30 процентов) не

со своего результата 0,7 секунды, в прыжках в длину прибавить 40 сантиметров, а в высоту — 10, граната должна улететь на 5 метров дальше, и, наконец, в бассейне вам надо плыть быстрее на целых 15 секунд... Кроме того, вы должны хорошо стрелять, участвовать в турпоходах, иметь третий разряд по одному из военно-прикладных видов спорта. Последним же на стадионах. Телера, у каждого из нас повстанца — новый верный помощник — комплекс ГТО.

Он будет способствовать нас всю жизнь.

когда закрывает глаза, ему кажется, что он летит в воздухе, плавно поворачивается, пластично и гибкий... Это не похоже на то, что он переживает когда-то наяву. Это совсем, совсем иное... Тогда он вкладывал силу, был резок и стремителен, раскатал пространство, уверенный в себе, в каждой мышце, связке и суставе. Тогда он справлялся с гимнастическими упражнениями; он и снаряд становился единым целым, имеющим смысл лишь в этом единстве: он отдавал свою энергию снаряду, а снаряд — ему, и вместе они сражались и побеждали.

А сейчас... Нет, он не забыл ни одного из тех пережитых когда-то ощущений: кажется, достаточно вообразить, как берешься за перекладину или кольцо, и мышцы привычно зажимают тугой снаряд. Он закрывает глаза — и чудится, что он летит в утреннем ярком свете, в дымящихся сухим июньским теплом столбах солнечных лучей, переходит из салто в винт и опять в салто, — медленно переворачивается в невесомости, в желтом свете, и оттуда — издалека, а может быть, это сам воздух звучит, слытся еще слышная мелодия — то ли любовь, то ли английский роком...

Его зовут Георгий Решетников.

— Имя любимым снарядом всегда была перекладина, — говорит он. — И знаю почему? Причины две. Первая: творчески это самый бога-

диль, и все остальные хоят я, когда доручатся — хочут. Все хочут, потому что здорово, потому что игра, неожиданное возвращение в детство...

Его прерывает телефонный звонок. Я вижу кресло-качалку, в котором сидит Жора Решетников, в соседнюю комнату, снимаю телефонную трубку и вкладываю ее в полусведенные тонкие пальцы Жоры.

«Ему тридцать лет.

Пять из них он прикован к постели и вот к этому креслу. Паралич.

Может быть, все-таки надо было рассказывать не столько о нем, сколько о тех, кто был возле него все эти годы? О матери, о его деде с бабкой, о Соне, наконец? Такой красивой и свободной с виду Соне, хотя она тоже мастер спорта по гимнастике. Ей приходится, по сути, одного поднимать: грустное тело мужа — и утром, и днем, и вечером. Из постели переносит в кресло, из кресла — в станок для упражнений, потом опять в кресло, опять в станок. Уходя на работу (она преподает в Ворошиловградском пединституте): «Милый, пожалуйста, постарайся... Он остается надежнее со станком, с блоками и экспандером, один на один против боли, которая не отпускает ни днем, ни ночью, и против бессонницы, против немоты ног, таких когда-то неутомимых, и вырванных и послушных. Остается один на один с этой чертовой работой, которая прежде была бы для него пустяком, а сейчас он даже не знает,

Иванович Марченко. Он говорил, что ему нужны ребята «тонкие, звонкие и прозрачные». Я из вас сделалю мастеров спорта», — поощебал он ошеломленного от счастья мальчишкой. Он сделал Большая. Он восстал из них бойцов — мужественных и прямых. Он научил их думать — всегда, в любом деле быть не слепыми исполнителями, а готовыми творить и умеющими творить. Он научил их не бояться работы.

Через два года Жора Решетников был уже первокурсником, через три — кандидатом в мастера. Дале музыка, без которой он прежде не мыслил своей будущей жизни, отступила на второй план.

Вот что рассказывает старший тренер сборной СССР по гимнастике Владимир Михайлович Смоленский, у которого Решетников тренировался в годы учебы в Центральном институте физкультуры.

— Это был очень талантливый, дивительно одаренный спортсмен. Если сравнивать с другими нашими ребятами, по физической силе он им уступал. Но зато как он был координирован! А самое главное: голова у него золотая. Он постоянно что-то искал, придумывал новые элементы и тут же пытался их сделать. С ним было интересно работать. В его арсенале было несколько элементов экстра-класса, которые ни до него, ни после него никто не делал. Например, трюмное салто с перекладины. Я даже слов не найду, чтобы передать, какая требуется от спортсмена высочайшая степень точности и координацион-

Игорь АКИМОВ

тый гимнастический снаряд. На перекладине можно фантазировать бесконечно. Она неисчерпаема. Иногда я думаю, что гимнастика только подстегивает и перекладина только надуывает, пытаясь познать ее законы. А истинный расцвет ее впереди. А вторая причина для меня даже важнее, пожалуй. Ты будешь смеяться, и в особенности ты признаешь: больше всего я любил крутить на перекладине «солнце».

— Но ведь оно совсем пустяковое, а бы даже сказал — банальное. Его мальчишки делают!

— Правильно. А на серьезных соревнованиях за простот «солнце» еще и баллы сжуют. Он всегда искал игру. Хотел видеть окружающий мир эмоциональным, открытым для радости. Позиция стороннего наблюдателя была ему чужда — он искал, был активен, и с готовностью включался в любое дело, какое только представляло интерес.

— Для меня самым легким снарядом был «коне», — рассказывал он. — И самым скучным. Элементы — мизер. Простора для фантазии — никакого. Работешь по принципу мажника: влево — вправо, влево — вправо, крути, и опять влево — вправо... Тоска! Биомеханика в чистом виде. Даже на смене ритма сыграть не удается: только то, что в тебе от рождения заложено, тебе и принадлежит. В нем и работавешь. Как метриком.

— Ну, это тебе занюхал, Жора.

— Ничуть. При мне на многих гимнастах ставили такой эксперимент: предлагали выполнить одно и то же упражнение на «коне» дважды: — с естественной для них скоростью и с самой максимальной, на какую они только способны. Во втором случае они так выкладывались, что по окончании чуть не валялись на землю. Представь, как они бывали поражены, узнав, что разница во времени между обими попытками чуть больше одной секунды.

— Ну, а «солнце»?

— О, «солнце»! Ведь это не просто упражнение, это полет! Ощущения непередаваемые, и ни с чем не сравнимые. И это игра! У «солнца» только один конкурент — бабуть. Ты когда-нибудь пробовал прыгать на бабуть? Нет! А хочешь? Вот и

как ее делать, — тело забыло движения, потерял выработанный однажды стереотип, не слышит призывов где-то внутри, посылается глухота, и вот он может только смотреть на свои ноги, и они молчат... Но он прорвется! Он добьется своего!

Растнуть! — отпустишь? Растнуть! — отпустишь... растнуть!... Изо дня в день, утром, днем и вечером: растнуть! — отпусти. И счет идет не на часы, не на дни и даже не на месяцы. Счет идет на пружины экспандера. Когда он может попрыгнуть, чтобы прицелился еще одну (а для этого нужен год или два), — это уже огромная победа. А когда он может сказать: «Вам не кажется, что крайнюю пружину следовало бы заменить? Пожалуй, она слишком ослабла», — это победа двоякая.

Иногда никогда не говорит ему: «Отдохни...» и никогда не говорит ему: «Я понимаю, как тебе трудно», — потому что со стороны, если даже ты все время рядом, этого не понять до конца. Только отчаянно можно почувствовать в той же мере, только отчаяние разделять, но оно не подпускает к нему, отчаяние, она говорит: «Милый, ну постарайся еще...»

С гимнастикой он познакомился случайно. Когда вступал в комсомол, ему сказали, что комсомольцу обязательно должен посещать какую-нибудь секцию.

С первым тренером Жоре Решетникову не повезло. Мальчик был слабым и хрупким, тренер подбирая мускулистых, от природы крепких ребят — силовиков. С ними он работал много и охотно, а «хилыки» вроде Решетникова куварились на матах да ввелись по-обезьяни на свободных снарядах: шибко бы, только не мешали, не крутились под ногами. Стал пропускать занятия. Этого никто не заметил, а мальчик и не жалел: гимнастика так и «не дошла» до него. И однажды, когда, катаясь на санках, он сломал ногу, для полного разрыва появились даже формальные основания.

Но уже через месяц товарищи пришли за ним. Именно его, Жору Решетникова (в числе остальных «хилыков»), звал к себе новый тренер Петр

ности, чтобы такая штука получалась. А у него получалась. У единственного. Гимнаста обмане стараться избегать таких элементов — просто бояться их. А Решетников, по-моему, не боялся ничего.

— Вы полагаете, — спросил я, — Жора был придурком гимнастом?

— Может быть... Я отвечаю так потому, — объяснил Смоленский, — что Решетников принадлежал к той частливой породе талантливых людей, которые за что ни возьмется — все у них получается, и притом хорошо. Но уж в чем я совершенно уверен — в его лице наша гимнастика должна была получить интереснейшего, современного тренера.

А что по этому поводу думает сам Решетников?

— Однажды, а тогда еще был в институте, ученые провели сборную страны специальное обследование. И нас, студентов, захватили. Замерили на силу, на мощность, на реактивность, провели прыгучесть, скорость, выносливость и прочее. Когда подвели итог, спрашивают: «По какому виду специализируешься?» «Гимнаст», — отвечаю. А они: «По своим качествам ты почти идеальный спринтер...» Какую услышать такую, когда ты же чемпион Москвы!

Сдавали однажды зачет по лыжам. До этого Решетников их почти не знал. Ну какие лыжи могут быть в Ворошиловграде? В зиму зную лыжный снег и неадекватно не лыжат. Спортсменов выпускали на лыжню с интервалом в полминуты. Следом за Решетниковым бежал доборец. Решетников вбурд сказал себе: не уступлю. Почему? Да просто потому, что так интересней, потому что он любил любые соревнования, а особенно если партнер сильнее. Но боролся он всегда не просто ради борьбы, а только за победу.

В этот раз требовалось одно: не уступить. Он устал, устал — и устал, с первой попытки выполнил второй разряд. На финише и немую после этого незаметно трюм. «Пустушка, парень», — сказал он, — почему я тебя не знаю? У кого тренируешься? Переходи ко мне. Я тебя за год мастером по лыжам сделаю.

— Ты думаешь, я этого тренера техникой по-

раз?! — смеясь, сказал мне Решетников. — Еще чего Нет, он понял, что я люблю терпеть. Именно в терпении, в преодолении себя, в превозмогании себя для меня главная прелесть соревнования.

Я всегда был «терпунгом», — все еще улыбается, повторяю он.

Жадный до спортивных подвигов, он забывая обо всем, оказывался в роли тренера. Делать каждое занятие своеобразным, не похожим на предыдущее — это не было для него самоцелью, это было естественно. Просто он давал свободу своей фантазии. Найти что-то новое и научить этого других — он и от этого получал глубочайшее удовольствие, он видел в этом смысл. Прямо был Смоленский: Решетников — тренер по признанию.

Но однажды все кончилось.

— Такое может случиться только на тренировке. И знаешь почему? На соревнованиях, а там более на ответственных, ты весь собран, весь сфокусирован в одну точку. Ни на миг не теряешь контроля над собой, каждое движение четкое, словно это вовсе и не ты работаешь, а какое-то заранее запрограммированная машина внутри тебя. И тут уж надо сделать усилие, чтобы сломать связности, раскрепоститься; может быть, даже в какой-то степени расслабиться, но это уже шаг в опасную зону. Потому что тут возникает противоречие: хотя в работе гимнаста нет ничего лишней естественности и необходимости, сама-то гимнастика — мир искус-

ственным, яркими пятнами ламп и растянутыми, будто в кривом зеркале, лицам...

— Ну, что ты, — говорит Решетников, — и вовсе ничего похожего нет, совсем ничего такого не происходит, просто летяшь в пространстве — и все, разве что фиксируешь пожимание рук на перекачке, да и это происходит почти помимо сознания, каким-то периферическим зрением, потому в фокусе пуста, воздух, вот и получаешь, что не видишь ничего, понимаешь? Нет. Ну как же тебе объяснить?.. На чачелях ты качался? Только по-насташему, до восторга, до упоения? Вспомни: много ты видел волею? В том-то и дело Ничего в эти мгновения мы не замечаем, наше зрение обращено внутрь, в себя, сосредоточено на ощущениях своего тела, а бы, сказал, на эмоциях вестрибульного аппарата. Это одинаково на всех снарядках, и даже в таком «звонком» виде, как воляшник.

— Предположим, — все еще я даюся я, — ну, а если видишь крайний случай, например, когда ты в воздухе воздушного парада в Тушине выступил с показателями на колышках на стеновой доске под вертолетом. Не будем говорить про всякие переломы и прочее. Но ведь ты фиксировал угол и держал стойку вниз головой и горизонтальную фигуру, не знаю, как она называется, положу на ладонку. Неужели ты и тогда не видел ничего вокруг: ни огромной толпы, ни трибуны, ни самолетов, ни брюха вертолета, наконец?

— Конечно, не видел. Потому что, едва начи-

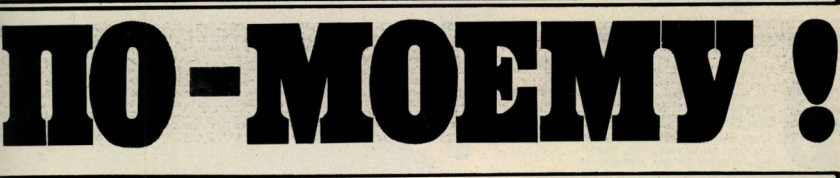
вала над гармошками приспособления для искусственного продувания легких. Она все время была рядом, все время он видел над собой ее лицо, все эстафиты от нечеловеческой устойчивости взгляда, но она никого не подпускала к этим гармошкам, потому, что они были уж больно капризны и в работе с ними требовалась не только сила и выносливость, но и тренированная координация классной гимнастки.

Через две суток стало ясно, что он будет жить. Дыхание возвращалось. И появились боль в пальцах рук.

Как давно это было. Уже почти пять лет! А если переломы это его собственная вина, на бессонные ночи, которые растягивают время стократ, на дневное неподвижное одиночество в этих четырех стенах, на нескончаемую неподвижность — ведь он даже свое зрение не а сигнал переключать самостоятельно, даже включить телевизор не может...

— Ничего, — смеется он, — проврался! Только жалко вот — со временем tutto. Прямо беда.

— Тебе ничего не достает?! — Ну да! Я часто думаю о Цезаре, Наполеоне и всей этой братии, о которой рассказывают, и они умели заниматься тремя делами одновременно. Боюсь, что это лишь... если нет, значи как-то секрет знавал, потому что я, например, даже два дела никак не могу вложить в одно время. Представляешь, как было бы здорово? Работая я, скажем, с экспандером и одновременно продвигая очередную главу книжки. А вот

ственных движений. Естественность в ней только кажущаяся, она лишь признак совершенства. Знак равенства с естественностью в жизни здесь ставится только тогда, если здесь не может быть. Разные вещи.

Решетников мысленно улыбается. Когда он говорит о своей любимой гимнастике, он всегда улыбается. И тут ни тяжелой травмы, ни пятлет неконечной боли — ничего не смогли поделать ни с ним, ни с его чувствами.

— Идеальный случай, — продолжает он, — это только середина. Когда на пятьдесят процентов ты отдаешься чувству (а этого достаточно, чтобы испытать наслаждение, и это эмоциональное состояние отразится на качестве работы и непременно передатся судьям и зрителям), но пятьдесят процентов подчиняешь рассудку. Контроль над собой. Над каждым движением. Поймать и держать эту точку равновесия очень трудно, тем более на тренировке, тем более если у тебя все получается здорово и ты «внешаешь».

В тот вечер у меня все получалось удивительно. Я сделал несколько раз подряд двойное сальто — так чисто, так красиво, что готов был повторить упражнение бесконечно. И ведь длится это одно всего несколько мгновений, видел, небось, в широте Олимпиады. Но когда в него войдешь, когда попадешь в точку, появляется ощущение длительности, даже парения. Будто плывешь в воздухе... — Он переводит дух с сожалением заканчивает: — Обычная история: если много прыжков «внешаешь», притупляется ощущение самоконтроля. По-моему, я делал восьмой прыжок. Захотелось взлететь еще выше... Забыл на миг о простейших законах биомеханики. Чем больше усилие направлено вверх, тем слабее возвращающий момент. Я не успел сделать второй оборот и чуть дала голову поперолонный мат...

Я всегда думаю, что, когда гимнаст «крутится», он видит все вокруг так же, как и я, только свернутым в кольцо, оно кружит, как в огромной бочке, в этом цельном замкнутом пространстве, и ничто, все плоский, словно нарисованный, проносится перед ним смазанными черно-белыми по-

наешь работать на снаряде, весь мир куда-то пропадает. Я же тебе говорил: это какая-то тайна, какой-то психический трюк гимнаста.

— Ну, ладно, — отступаю я и, вспоминая одну фразу Смоленского, спрашиваю напоследок: — И тебе совсем не было страшно?

— Ну, что ты, — смеется он, — еще как!

— Почему же не откатился?

— Так ведь интересной...

— Но лежал, неловко подвешивались. Боли не было. И сознание ясное. Но тело словно пропало куда-то — он его не чувствовал совсем. Не было этого привычного, такого естественного ощущения тела. Желание пошевелиться, убрать руку из-под лица, распрямить ноги возникало в мозгу, но в какой-то странной форме, будто сопротивлялось, нежиданно неуверенной интонацией: «Надо бы...» Он решил набраться, собрать всю волю и крикнуть себе: «Убери руку!» И не смог. Даже напрячься не смог. Чего-то в нем такого не стало, он еще и сам не понимал, чего именно, но волевые приказы проваливались внутрь тела, в черноту, в бесчувствие — и ни малейшего отзвука он в себе не слышал.

Над ним склонился знакомое лицо: работа, тренер. В их глазах он читал только внимание и готовность помочь. Они еще не знали того, что уже знал он.

— Ничего, ребята, — сказал он, — это ничего.

И подумал: «Слава богу, говорю...»

— Не трогайте меня, — сказал он, — и давайте «скорую».

Потом была шумная палата в хирургическом отделении 4-й городской больницы. Причальская Соня. Впервые успеха, потому что давление почти совсем пропало. Он старался ей улыбаться и подбадривать, но чувствовал, что сейчас умрет, — просто потому, что в легкое перестал поступать воздух...

— Все стало поступать — то пропадало, то возникало вновь. Какие-то лица, операционная, озяло лица в масках, лесничие марши... Мама! Ну да, мамка... Откуда ты? Он видел, что его везут в машину, очень долго, потому что дальние поезда имеют коридоры и потолки, и все время рядом была Соня, которая ритмично, как автомат, колдо-

не выходит. Ведь я не просто должен эти прыжки тннуть, я еще и сосредоточен при этом, что же изменилось в черноте — пусть прыгнет меня, но пробиваются, прорастают, оживают, черт их оберни! Ну где уж тут думать о постороннем...

У него уже вышла издательство «Физикультура и спорт» книжка «Взрыв мышц». Сейчас работает над следующей, печатается в журналах. К сожалению, ему приходится писать не только из потребности приносить пользу. На одну Сонину зарплату жить непорочно, а его пенсия... Вот тоже проблема. Когда спортсмен получает орден, мы знаем: его дали за спором. А вот случись такое, как у Решетникова, — травму этого спортсмена. Но ведь он специалист именно этого спортивного профиля, он соответствующий институт закончил. Покажут, тут он заслуживает более справедливого рассмотрения дела.

Мы с ним прощаемся до вечера, вечером он объяснит мне несколько элементов эстрадо-класса для перекачки и бруска, которые он продумал, глядя цепями дна на один и те же блоки и эспандеры, глядя (вот уже пятый год!) в одно и то же окно. Перед этим оном, все в том же кресле, он разработал интересную теорию спортивной школы нового типа, в которой по новым принципам определялся бы степень спортивной одаренности детей и, что не менее важно (на собственной судьбе убедился), достаточно рано и достаточно точно проводились бы специализация по видам спорта. Да мало ли что он успел продумать и продумать за эти годы! Не зря же и Смоленский говорил: судьба не обделила Решетникова фантазией.

Смотри! Будь точен, — напустуеть он. — Приходи ровно в восемь.

Я отхожу к двери. А Соня заковывает мужа в станок, соединяет блоки, цепляет ремни и эспандеры. Смотрю на часы: неужели так долго! И вдруг встречаю его взгляд. Он полуобернулся ко мне, и горюет, горюет — о чем? Смейся, смейся!

— Я знаю, что ты думаешь, — говорит он. — Я же все понимаю. Но ведь увидишь, все равно будет по-моему. Я все равно пояду!

Синдром

Павел БАГРЯК Фантастический детектив

Верно! — неожиданно согласился Гард. — Быстрое признание делает вам честь, — улыбнулась Динст. — Кто же вы? И какова ваша цель? Надеюсь, мы поладим!

Гард встал, и рука Дины Динст дернулась из карманчика. Дуло крохотного пистолета холодно смотрело на комиссара.

— Я люблю рассуждать, прохаживаясь, — усмехнулся Гард собеседнице. — Не пугайте меня и себя этой штукой. Давайте лучше пофантазируем. Могу я быть агентом конкурирующей фирмы, желающей получить кое-какие ваши секреты?

— У нас конкурентов нет и быть не может, — сухо сказала Дина Динст, не убирая пистолета. — Предположим. А что вы скажете, если я специальный представитель шефа, которому поручено проинспектировать вашу деятельность?

Глаза Дины Динст сощурились, она напряглась, сомнение пробежало по ее лицу.

— Вот произнесу сейчас нечто такое, — продолжал Гард, — что будет выше всех паролей, и вы поймете, что я не только сильнее вас, но и старше по должности. А?

Гард почти физически ощущал, как инициатива переходит к нему. Она молчала: ни слова в ответ, одно ожидание. Но обе руки уже легли на колени, пальцы сжимала друг друга, нервно перебирая фалды, как метки.

Пройдя из угла в угол комнаты, Гард выдержал паузу, а затем, мысленно сказав себе: «Ну, пора в решительную атаку!» — продолжал:

— Но дело еще серьезней, дорогая моя Дина Динст, нежели вы можете себе представить. Я не сотрудник конкурирующей фирмы, не представитель шефа и даже не агент иностранной разведки. Я очень опасный для вас человек, мадам. И не только для вас. Для шефа тоже. Для всей вашей фирмы. Мне имя Гард Дэвид Гард, комиссар полиции, разрешите представиться!

И Гард поклонился.

Она не сделала ни одного движения, не дрогнула ни единым мускулом. «Вот это выдержка!» — восхищенно подумал комиссар. — Если вернуться живым и невредимым, непременно наберу в помощники одну женщину! Ее реакция вполне удовлетворила Гарда, подтвердив некоторые его догадки. Это была реакция хоть и мужественного, но врага, а если она враг комиссару полиции, значит, она представляет не государственное учреждение, санкционированное правительством, а частную лапочку. Хуже было бы, если бы она вдруг расхотелась, дав понять, что ей куда спокойней иметь дело с родной полицией, нежели, к примеру, с иностранной разведкой. Она боялась Гарда, хотя и не показывала вида, что боится.

— Итак, дорогой мой, прошу вас помнить: я не частый посетитель, и когда я действую, это всегда ходит с ведама известия. Уважайте! О том, что я здесь, так вы знаете.— Комиссар показал пальцем на потолок.— Будет до определенного дня и часа от меня не будет вестей, машина придет в действие и вы получите известие. Дело с новыми гостями, к которым, как вы отлично понимаете, уже знают к нам дорогу. Короле говоря, я советую вам торопиться. Прежде всего познакомте меня с тем, что делается в вашем эсоне. А для начала представьте мне своих гостей.

И Гара, повернувшись, пошел к двери.

— Сядьте!— вступил приказавшая Дина Динст.

Комиссар остановился, посмотрел на нее.

— Порядок?— вступил.— В руках у женщины

японская бумага предостережения.

— Не давайте глупости, Дина Динст,— спокойнo проинес Гара, продолжая стоять.— Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

И тем не менее сядьте!

— Она была неутомима и Гара понял, что, если он сделает еще один шаг, ее нежный пальчик нажмет курок.

— Вы хотите пригрозить, мне электрическим светом?— спросил Комиссар, указывая на скамья Дина Динст.— Человек, который занимается тем, чем занимаюсь я, уже ничего не боится. Запомните это, комиссар Дина Гара! И сядьте. Я не могу позвать вас выйти из этой комнаты, будь вы самим президентом.

— И потому будете представляться.

— Шеф?

— Возможно.

Глава 15. КУПОЛ

Завхват центрального поста по своей стремительности и эффективности мог претендовать на место лучшего изобретения.— с презрением сказала Дина Динст.— Человек, который занимается тем, чем занимаюсь я, уже ничего не боится. Запомните это, комиссар Дина Гара! И сядьте. Я не могу позвать вас выйти из этой комнаты, будь вы самим президентом.

— И потому будете представляться.

— Шеф?

— Возможно.

Пройдя двумя длинными чистыми и светлыми коридорами, Шиз и полуолагу трюмца остановились у двери с номером 001. Все дальнейшее продолжалось не более двух минут. Стены открыла дверь и вошла в комнату, оцепив пальцами на кнопку Шиза, только все здесь было побольше: пульта побольше, шкафа, и винтовых ступень да два, а шесть, и еще столик был. Кота, правда, не было. За пультам сидел светящийся молодой человек в синих комбинезоне и голубой рубашке, и говорил за маленьким столиком двое в форме охранников играли в нарды. Больше ничего в пультовой не было.

— Вот, Союз вошла в своем черном купальнике с полотенцем через плечо, в трехдюймовых золотых курашниках и не спеша пошла к пультам. Молодой человек оглянулся на нее и отоблажен. Двое застыли над своими фишками, как пролом пружины, и выкатили глаза, и открыли рот. Союз подошла к пультам, взяла полотенце и не спеша стала обмывать его вокруг головки микрофона, торчащего на тонком стебле. А все смотрела, не мигая, на то, что она делает, и молчала. И только когда Союз уже завернула все полотенце, молодой человек сползнул и вывалился из себя:

— Э... э... простите, вы, собственно...

— Вставайте!— Таратура с пистолетом в руках уже пошла к двери.— Руки! Всем повернуться лицом к стене! Живо!

И все встали, и подняли руки, и повернулись лицом к стене. Совершенно молча. Честер, обрившись на пол метра провода, прошепала Честер, хранил себя комбинезон и голубой рубашке.

— Забери и вон там,— сказала Таратура и кинула в сторону двери. Там стояла два автомата.

— К чертовой матери!— с этими словами Шиз перекурил несколько проводов на пультах.— И что бы ни делал, это не помогает!— вступил.— Пистолет, нуно!— Он вырубил электризацию лифтов.

— Порядок,— сказал он.— А теперь надо взорвать все остальное. Саушай,— он обернулся к Таратуре.— Вы хотите войти и выжить? Давай их просто заперм в аккумуляторной.

— Они там ничего не сумеют натворить?

— Могут написать кислоты,— сказала Шиз.

И еще через минуту Таратура и Честер, вооружившись автоматом, вошли в пульты своих плавников в кислую вакуумную камеру, где на стеллажах заржавели аккумуляторы.

— Очень чистая работа,— сказала Таратура.— Пошла к Динст.

— В пульты подошла,— сказала Союз.

— Зачем?— улыбнулся Таратура.

— Возьми, возьми,— сказала Шиз,— это мое полотенце.

Честер ловил себя два том, что ему кажется, будто он в своем корабле. Оглядываясь, редакция еженедельника «Зеркало галактик» послала его

на Бермууды, где проходила дозиметрический конгресс пилотов. Второе название себя чинами союза «спрадуки». Требовалось написать восторженный репортаж зад заранее придуманным заголовком «Исполнял отдалка», и Честер согласился— это было вскоре после свадьбы и ему не хотелось, чтобы Анна сразу почувствовала выключенности. Так вот тогда он пыла на огромном океанском лайнере с точно такими же коридорами во втором классе. Вот такой же был свет матовых плафонов, и чистота, и дьяры как с такими же золотыми номерами. Завсегдае было так же. Он слышал не обращая на это внимания, но теперь ему стало совершенно ясно, что внизу работает какой-то громадский механизм. Была еще одна деталь, которая напоминала Честеру бермуудский лайнер: голые Таратура и Союз. Им тоже по всему пароходу шпалась эти голые, которые загорали на верхних палубах и бархатались в купальных бассейнах.

Шиз остановился и дернула ручку одной из дверей.

— Заперли, черт!— с досадой проинес он.— А что заперли? Как будто в этом чертовом подальме можно что-нибудь спереть.

— Наверное,— предположил Таратура, неуверенно глядя очередную улочку,— можно украсть синеньких?

Шиз обернулся:

— Синеньких? Э, нет... Синеньких украсть никак нельзя. Все, что хотите, но не синеньких.

— Почему?— спросила Союз.

— Потому что вельза,— сказала Шиз, и все поняли, что больше он ничего не скажет.— Итак, тут заперто. Можем пройти по галерее А, если там не будет лифта.

— Она повернула в коридор налево и стала взбираться по винтовому трапу.

— Ты знаешь, что обанное всего,— прошептала Союз, взяв Таратуру под руку, когда они первыми вошли в пульты. Ты будешь смеяться, но обанное всего, это ни Мэгги, ни Гарлоу, ни вернет ни единому моему слову! И будет правы! Это же черт знает что такое! Это же не какой-нибудь пинчик в шерше, это же... не знаю, как это можно повторить.

— Как бы тебе не пришлось пожалеть об этом,— усмехнулся Таратура.

— Никогда!— с жаром прошептала Союз.— Единственное, о чем я пока жалею, так это то, что ты не был в пульту, и ты очень глупо выглядяешь со своим пистолетом.

— Не торопись,— успокоила ее Таратура.— Безд этого тоже не обойдется...

— Дверь, галерея была открычена. Шиз оплынул вперед, и в пульты вошел, и все вступился, как, наверное, очень долго, если бы не Честер, который перебил его вопросом: есть ли еще какой-нибудь путь к Гара. Шиз задумался.

— Возможно?— медленно сказал он,— но лучше туда не ходить.

— Опасно?

— Да нет, просто страшно.

— Э, аржунче,— мягко сказала Таратура.— Так не пойдает. Это не безопасное предприятие.

— Никакие опасности нас не страшат!— храбро добавила Союз.

— При чем здесь опасности,— вступил совсем тихо сказал Шиз.— Плавать я хотел на все опасности, черт знает, как заперли пульты.

— Если можно туда не ходить, я туда никогда не пойду.

— Куда?— спросила Честер.

— Некуда.

— Но куда другой дороги нет?

— Вроде нет.— Шиз почесал затылок.— Ну, я все преаудирал. Дело ваще, но, даю слово, по доброй воле я бы туда не пошел.

— Они снова спустились по винтовому трапу, прошептав друг другу, что они в пульты не заперты, и остановились перед массивным дверью. Дверь была, которую обычно устраивают в атомных газобуждещих. Шиз повернул штурвал и потянул дверь на себя. Она тяжело отточила. Честер хотел вынуть пистолет, но Таратура остановила его, тронула за плечо.

— Подожди, Фред,— сказала инстинктивно.— Эта штука просится туда первой.— Он кинула на пистолет в своей руке, и Честер сторонился, хотя Шиз и словами, ни выражением лица не выдал субъективного отношения к сказанному.

За дверью была небольшая бункер и вторая дверь— толь-в-точку, как первая. Теперь уже Таратура, легонько звякая о штурвал пистолетом, повернула его и потянула дверь. Полоска сине-сиреневого сумрака за дверью раздвинулась все шире и

шире. После яркого света коридоров пространство за дверью показалось им поначалу совсем темным, зато темнота вовсе не была ровная, мятый, мертвый сине-сиреневый свет заливал открывающуюся перед ними картину.

И еще до того, как мог сказать Фрау Честеру, что он в пульте, еще в этот же минутный мигонный синий свет сжал его сердце, и все существо Фреда наполнилось несознательной и нестерпимой тоской...

— Они стояли у подножия гигантского прозвонного купола. Трудо стаять, каковы были истинные размеры. Круг в основании имел, очевидно, диаметр около ста пятидесяти метров, находился внутри огромной залы, как они догадались, выскрета потухшего вулкана. Вокруг на разной высоте были кольца больших баллонов, расширяясь, раз на нижнем из них. В стены и потолок зала, окружающего купола, были смонтированы синие светлячки, создающие густоту полумрака. Неподалеку от них извивались баллон, расширяясь, и там приглушенным светом светялись как-то маленькие лампочки, не сразу можно было понять, что там пульс. Все полуфлора купола— се-ребристо-синий, прозрачная— была гладкой, без складок и трещин.

Честер слегка отстраня рукой Таратуру и шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть, что же находится внутри купола. Впрочем, видно все было отменно и так.

Там как всегда были синие люди.

В их обиходе не было ничего страшного, в чертах лиц— ничего уродливого, просто они были синими. Главное было не в цвете их кожи, а в том, как они двигались, как смотрели и общались друг с другом.

Бывают такие кошмарные сны, когда ты медленно идешь или летяшь, всем существом ожидаешь вперед какую-то смертельную опасность, понимаешь, что каждая движенье твое глупое, и все-таки не можешь остановиться, и выходишь беззвучный крик отчаяния переполняет тебя, но и крикнуть ты не в состоянии. Поднявшись незримой волне, ты уже не властен над собой, своим телом, своей жизнью, из-за этого и бьет тебя мелкая дрожь, как капли холодного пота берет выступают на теле.

Так вот, эти синие люди двигались, как привидения, они были, словно привиражи, бестелесные, и казался, надо крикнуть, ударить в звонящий гоним, что ты не видишь, что ты не видишь, что ты себя видишь дурман и взыгануи друг на друга, как смотрят люди.

Честер поймал взгляд девушки, стоявшей за прозрачным куполом, и прошептал: «Другие? К кому, и куда идем в ее глазах людей, привычный и одновременно удивленный ужас. Это не была взгляд затравленного животного, запуганного или лишнегого рассудка человека, они не боялись сейчас чего-то конкретного, но они боялись, боялись какой-то опасности, взгляд ее был человечен и разумен, и это было самое страшное!

Все обширное пространство под куполом, совершенно ровное, было покрыто не то крупным синерезным песком, не то опилками и изломанной цирковой арены. В этой пустыне не видно было ни зданий, ни хижин, ни каких-либо признаков жилья, как не видно было никаких следов человеческой утвари: мебели, посуды, одежд. Синие люди, как привидения, стояли, как привидения, то ли комбинезоны. Многие из них просто стояли молча и одиноко, другие медленно передвигались с места на место без видимой цели.

Можно было заметить несколько темноватых групп. Была одна группа, которая была особенно расплывалась— они ходили так, что слово «хлывание» подходило здесь больше, чем слово «хлывание», и Честер увидел, что они окружали акваторную компактную машину выключенной с бочонком, довольно замисловатую, похожую на одностороннюю и на автоматическую межпланетную станцию и на касовый аппарат. Потом он заметил еще несколько таких штук вдалеке. Все отощало от машины, и Честер увидел, что это были машины, и Честер, с виду очень похожие на бумажные агенты, и медленно их ели, глядя куда-то в пространство. Честер подумал сразу, что все эти синие больше всего похожи на оживших покойников.

— Бы...

— Он усмался тихий шепот и обернулся. Союз, не отрываясь, во все глаза смотрела на обитателей купола.

— Почему отсюда,— предождала Шиз.

— Можешь их здесь!— спросила Таратура.

— Может, сто. А может, и двести,— нехотя отвел Шиз.

Честер окинул взглядом все пространство под куполом. Да, тут было, наверное, человек двести молодых мужчин и женщин. Странным казалось и то, что, живя на ограниченном пространстве,

давшая площадь в рабочем квартале Ганновера называется Рынок под липами. Деревья на площади вырубил в последний год войны, а ярмарки проводились здесь в еще более далекие, газетские времена. Впрочем, на те три осенних дня иллюстрировать постоянного названия сменялись полностью временного: Рынок под липами стал именоваться Красной точкой.

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
специальный
корреспондент «Смены»

РАБОЧИЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИСКУССТВ «РОТЕР
ПУНКТ», ВЫСТАВКА
МОНХЕНСКИЙ УЛИЧ-
НЫЙ «ТЕАТР К».

Движение «Ротер пункт», что в переводе и означает «Красная точка», возникло еще в 1949 году в Ганновере, откуда переместилось в Ботум, Гельзенкирхен, Гамбург и другие города ФРГ. Началось с пикетов у автобусных остановок. На больших шестах с красным кругом наверху пассажиры расписывались в знак протеста против повышения стоимости проезда на городском транспорте. Затем «Ротер пункт» превратился в единое выступление комедийстов, социал-демократов, профсоюзных деятелей, союза Социалистическая немецкая рабочая молодежь и других прогрессивных сил против всеобщего роста цен в ФРГ. А с 17 по 19 сентября прошлого года Ганновер с его Рынком под липами вновь был «Красной точкой» на карте страны, но в этот день там состоялся первый Рабочий фестиваль искусств «Ротер пункт».

Искусство и стоимость автобусного билета! Пусть этот вопрос останется пона полутротурии. Скажу лишь, что в нынешней Западной Германии весьма громко заявляет о себе музыка, имя которой — «Агфайн». Добрапорядочный бюргер что есть силы жмет на акселератор, проезжая мимо деревянного помоста, на котором несколько молодых бородатых лицедеев скандируют в микрофон лозунги, гремят гитарам и распинают чучело генерала-инки или бааварского монополиста. Из социал-демократической партии исключен популярный исполнитель политических песен Фрэнк-Иозеф Дегенхард за то, что дал на маленькой забавной концерт в пользу кандидата-коммуниста. «ЧП! Граждет уличной театр!» — называет свою новую пьесу известный писатель Макс фон дер Грюн. Так что же это за театр? ЧП — Новый бунт молодежи — на театральные подмостки! Явление искусства, где, говоря словами Луначарского, все приподнято, все на котурнах, все в рупоре!

Безусловно. Однако важно уточнение: актеры этого театра вплотную подошли к огням рампы, быть может, и неожиданно, но отнюдь не случайно. Оттепель, наступившая в общественной жизни ФРГ после двух десятков лет «холодной войны», которую начал канцлер Аденауэр и продолжил Эрхард и Кизингер, неминуемо должна была вызвать отклик в искусстве. Почему именно через политический театр, политическую пьесу! Здесь тоже своя закономерность, связанная уже с традициями немецкого рабочего движения.

И роль скоро было упомянуто искусство заставляет вспомнить широко известную пьесу от немецкого и австрийского комсомольцев «Красный рупор». Этот коллектив существовал с 1925 года до середины 1933-го (до середины 33-го! Есть ли еще пример допущения в действие политического театра), он был первой и главной «агит-проп-группой» Коммунистического союза молодежи Германии и по поручению ЦК КПГ издавал молодежный журнал «Красный рупор».

«...В превращении нареканий и волнения звука, под грохот аплодисментов выступает весь ансамбль «Красный рупор» в полном составе — человек двести. Красный рупорья, и До полноты — пять часов

без передышки — комсомольские актеры занимают сцену...»

Это очень похоже на «Синюю блузу» и среди нашей Трауму. Только еще больше насыщено и пересечено политикой. Ребята извергают целые тучи тезисов и лозунгов, они прочитывают под музыку и барабан чужие резолюции.

У нас бы это осудили, особенно по нынешним временам, когда нет никакой необходимости принимать агитацию но всему, что попадает под руку. Здесь, где рабы, да и то далеко не всякой, имеет единственную заповедь: своим сознательностью, политической частью спонтанно поглощаются жадно, как бризги воды на раскаленном железе...»

Это из репортажа, переданного Михаилом Кольцовым в «Транду» на Германию летом 1932-го года. Тогда «Красный рупор» в течение девяти месяцев ездил по стране с программой о Советском Союзе, изображая [слова цитирую] «...и Октябрьскую

революцию, и гражданскую войну, и восстановление промышленности, и борьбу с оппозицией, и Днепрострой, и что хотите».

Тучи тезисов и резолюций под барабан. Плакатность такого театра была очевидна и в те годы, хотя шла она вовсе не от неумения или примитивности исполнителей. Ведь многие сценарии «Красного рупора» были написаны Бертольтом Брехтом, все музыка — Хансом Экслером (в 1927—1929 годах известный композитор сам был участником труппы), а режиссеру в театре вел Максим Валлентин, ученик прославленного Эрнста Пискатора.

Театральное искусство времен Веймарской республики весьма примечательно. «Золотое время персонажа» тогда все экстравагантное, но контролируемое разумом: теософия, оккультизм, спиритизм, сомнамбулизм... — вспомная поэзия Стефана Цвейга: «Задать: научить зрителя вполне определенному, практически-

му поведению, именующему своей целью изменение мира!» — открыто провозглашал смы аугсбургского фабриканта, служивший санитаром в мировой войне, избранный в Совет рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1918-го, драматург Бертольт Брехт.

В 1926 году он формулирует принципы «классического театра» в противовес театру общему, «аристократическому». Брехт требует рассказа на сцене, но не действия, он заставляет самого зрителя принимать решения, он обращается к разуму его, призывая забыть об эмоциях. Брехт рвет драматургическую ткань псевдонимизмами, выводит хор на авансцену, пишет одну за другой свои «учебные» поучительные пьесы. И если его «Третья опера», поставленная в 1928 году в знаменитом берлинском театре на Шиндфазердамм, была примером такой поучительности, то тем более декларативность, нарочитая плакатность были харак-

КРАСНОЕ РУПОРЬЕ

теры для работы Брехта в «Красном рунопуре».

— Вспомню, говоря о политическом театре в Германии двадцатых годов, нельзя, помимо Брехта, Эйснера, Пискарева, но назвать писателя Фридриха Вольфа, актера и певца Эрнста Тухольца, художника Дюна Ортрамфа. Нельзя промолчать и об огромном влиянии советского театра — пьес Маяковского, постановок Мейерхольда. И очевидно, что даже если Брехт не решительно не одобрял представление о том, сколько слышен был театр-рупор в общественной жизни Германии четыре десятка лет назад. И сейчас он казался очень завуалированным. И сейчас вполне возможно переинтерпретировать мост от «Красного рунопюра» или «Красных речей» (Берлин, те же годы) и сегодняшних — «Театр Юденыч» (Кёльн), немецкому ансамблю «Конрадс» (Дюссельдорф), уличной опере «Дело де Колоня» (Кёльн) и еще dozens подобных коллективов. И сейчас, в эпоху распада государства, всякое современное хромотает, и нынешняя ФРГ не тогдешняя Веймарская республика, и неразумно было бы сейчас, едва только прозвучит название нового немецкого театра, вызывать автора и режиссера, сравнивая их с Брехтом и Пискаревом. Ретроспектива необходима лишь тогда, чтобы показать, что прозвучало в то время, и потому времени в сорок лет имеет две опоры и потому прочен.

А теперь пора вернуться на ганноверский рынок по линиям, которые в центре сорок лет по праву именовались Красной точкой, и изложить интервью, которое получилось как бы на ходу, в спешном ритме выступления ансамбля «Конрадс».

Итак что вы, ансамбль «Конрадс»!

— Во-первых, три брата, чья фамилия дала имя коллективу: Хайнц, Петер, оба в прошлом профессора и Керман [мнойчас оконил] позже присоединился Йозеф Шмитц, писатель, Вильфрид Маринг, полевой слухачий, и Юрген Курфус, кинопредприниматель.

— Ваш возраст?

— От 26 до 36.

— Как возник ансамбль!

— В 1958 году мы, три брата, в составе большого коллектива молодых ездил в ГДР. По возвращении нас взвлас политическая полиция, а Хайнца даже посадили на восемь месяцев в тюрьму. Из коллективного состава нас исключили только «Союльники». Но и оттуда нас исключили — за участие во Всемирном фестивале в Вене. Тогда мы создали ансамбль, стали выступать на митингах протеста на демонстрациях.

— Ваш политический убеждения сегодня!

— Все шестеро — члены Германской коммунистической партии.

— Ваш репертуар — песни протеста!

— Да и нет. В выражении «песни протеста» есть нечто пассивное. Одного протеста мало. Мы стремимся создавать не только песни, но и не иначе, стремимся дать людям перспективу борьбы.

— Можно в двух словах сказать о вашей тематике!

— Мы понимаем, что возможности наших ограничены. Она, к примеру, не выводит дискуссию. Но она может создать общее настроение, в результате чего возникает дискуссия, и тогда уже «улицы» начинают влиять на конкретные темы, возникающие едва ли не какждого: о потогонной системе на предприятии, о бюджете рабочей смены, о выводе людей на завод!

— Туда у нас доступа нет. Но нередко выступаем перед заводскими воротами, во время выхода смены.

— Как вас принимают?

— По-всякому. Бывает, встречались с открытой злобой. Бывает, смеются, но самым оскомунат: «Мойтайте за границу, если вам тут не нравятся!» Но бывает и так, что, начав с нами спорить [а вот, ходолинички, те же люди], вдруг начинают смеяться, и многие люди в итоге соглашаются с нашим доводами насчет эксплуатации, насчет того, что капитализм меняется лишь внешне, но не по существу. И тогда мы стараемся показать роль своего «агитатора», но считаем его важной частью нашей работы.

— Кроме музыкальных инструментов у вас еще какая-то аппаратура. Что это?

— Во-первых, портативная печатная машина: выписывает листочки прямо на демонстрацию или на митинг. Во-вторых, у нас есть магнитофон, который на разные случаи. Вот недавно мы притянули эту установку на митинг НДП и запустили на всю мощь запись речи Гитлера в берлинском дворце Вильгельма. Хотели сказать: вот ты ли мой тотальной войны! — а сумасшедшие рвели ему в ответ: «Да-а-а-а!» Из-за этих воплей неонацисты не смогли сказать ни слова и отменили митинг. В итоге мы получили публичную параллель между нас и без долгих речей... Но ты извини, товарищ, нам уже пора...

И они потянулись к гитарам, контрабасу, ударник, ритм-секции, и магнитофон к гитарщику, на котором надо было ехать на следующий концерт. Впрочем, это было скорее сплетать, или, как бы сказать, действовать, шестеро «Конрадс» танцевали, пример превращения самодельного ансамбля, который вначале просто аккомпанировал маршам протеста и митингам, в проект, который сейчас длится в неделю.

— Облачившись в банный халат и шапку в виде газетного кулика, «Один день в жизни» собирает рабочих венского деда [фамилия Мороз он здесь по причине климата не носит]. Из традиционного мешка с подарками дед доставляет моток колоченной проволоки, моток стальной проволоки, границы режя 1937 года, резиную дубинку — для полиции, портрет Гитлера — для неонацистов, нож и винку — для голодающих в слабо развитых странах, которым заводские германские монополисты обещают бескорыстную помощь...

Я добросовестно переписываю из блокнота свои заметки о спонтанной и ловкой игре ансамбля, в которой так искусно объясняют анекдот. Как звучит музыка, разбюбитую, намешившую, пародирующую шлягеру, одному брату и немцам известна. Как звучит, когда ансамбль словесную перепалку, возникшую среди слушателей, во время спектакля, как успеть не только со стенограммой батальи, но и с комментариями и не споровать «бачи». Мы только что под хохот толпы назвали толстяка в тирольской шляпе с перышком, есть неонацизм, рожденный слухом «Баарншпиль» и «Кантатон», передающий динамику и актуальность Диалога, в котором не на жизнь, а на смерть сражаются известные прогрессивные публицист и критик Курт Тухольц и его исполнителем (актер артисткой) и едва ли не самая ожившая фигура в политической жизни ФРГ, ревианштер Юозеф Штраус [в магнитофонной версии одного из предвыборных выступлений].

И любопытно, что сложность эта — при внешней прямолинейности, абсолютной plainности театра «Конрадс»: капитализм — непременно пугающий и в черном котле, капита-

лист — всегд увеличен картонными атомными бомбам, левый р-революционер — нечто хлипкообразное с прелюблуты читатинкой в руке, крестьянин чешет в затылке, а рабочие маршируют под красной флажок. Кажется бы, все это, как божий день, мль, вернее, как формула прибавочной стоимости. Тем более что многие подобные коллективы поддерживают идею политического движения, но отнюдь не к искусству [так и Эрвин Пискарев, создав в 1920 году свой «Пролетарский театр» — неакадемический театр, в программном слове «искусство»]. К примеру, сатирическая опера «Как поют и смеются немцы», написанная и поставленная кельнскими уличными театрами, которая на 85 процентов состоит из газетных текстов.

Но если под шумный топот военного марша 1914 года артист [иностранного происхождения] выходящий на газету на куску с пинкой, цитирует по голете того времени слова кайзера Вильгельма II: «Сначала перестрелять социализмов, обезвредить их маршируя под красной флажок, а потом начать войну за пределами империи!» — то, согласитесь, что обычным митинговому либертез это не изобавит. И если затем зритель увидит в театре, например, оперу о тегернских баварских кайзерах, или именно с легкой руки уличных актеров в разговорный язык входит эвдемос словечко «бачи», то это значит, что традиция Брехта, аполонид его искусства по-прежнему определяет сущность политического театра.

Кстати, о его именованных названиях стоит сказать отдельно. Представление, которое мы иллюстрировали, относится к определенной и четко ограниченной категории зритель и потому именовалось столь же четко и единообразно: «Красный рунопур», «Красные речей», «Красные брызги». Сегодня театр [при той же ясности содержания театра] требует расшифровки: «Интерпопа» — это «Интернациональный политический театр» (отсюда и название «Союз Коллектив», а название кельнской уличной оперы «Дело де Колоня» построено на такой игре слов, что не сразу и объяснишь ее.

Вся известная документация впервые появилась в Германии в тот момент, когда французское название [правильно: «лю де Колоня»] переводится как «вождя из Кёльна». Петера вступил в немецкие митингисты превратило «лю де Колоня» [французское слово вошло в немецкую «блеху»] и получило совсем новую истину. Впрочем, это имя довольно низ популярности в 15-летнем возрасте, в котором мы до сих пор рассчитана программа «Лю де Колоня». Диалоговую оперу «Коршуну капитала» прослушало уже более ста тысяч человек, в основном молодых рабочих и студентов профессиональных школ. Эта опера несколько раз объявлялась в программе передач западногерманской телевизионной системы АРД, но, несмотря на протесты молодежи, ираную в последний момент все-таки не выключали на экран.

В Гамбурге мне удалось встретиться с человеком, который всерьез изучает уличный театр и написал для него небольшую брошюру. Мы долго поднимались по танцующей винтовой лестнице и попали в квартиру, стены которой вместо обоев оклеены плакатами. Язычитый ирландец начал нам рассказывать о своем проекте: «Мы записали добровольцев, пионер в буденовке говорил из кабинета: «Я тоже буду героем», а противоположительно на нас сел актер в форме в хитскомском «Комарник» и «Десятый день». Театра на Таганке.

Хозяину квартиры лет 35. Доктор филологии Петер Шютт — член редакционной комиссии при объединении рабочих союзом Социалистический не-

мецкой рабочей молодежи. На доследовательном съезде ГКП осенью 1971 года товарищ Шютт был избран в правление партии. В Гамбурге он руководит работой в области культуры и «мастерской пишущих рабочих». Его жена Агнес Хофнер является издательницей единственной в ФРГ антологий уличного театра.

Нам удалось увидеть в театре «Огусту томки, была агитка «Корона», написанная Александром Неверовым в 1919 году в Самаре и ставившаяся в честь Красной Армии, шедших на Кавказ. Там, что касается содержания разговора являлось само собой.

— Можно было бы представить состав временный уличный театр в ФРГ как ансамбль, который антологизирует театральную культуру [вспомните заголовки пьесы Макса фон дер Грюна]. Петер Шютт с этим не согласен. Причину появления брошюры интересующих нас видит в реакции на изменение общественного мнения в стране: «Улица сегодня, как и раньше, есть единственная, свободная от цензуры, ежедневная газета оппозиции».

Я прошу Петера Шютта рассказать о политической песне, которая в последние годы зазвучала в ФРГ полагаясь, причем не только в уличном театре, но и в концертном.

— Каждый рабочий театр в Германии двадцатых годов имел свою «выходную песню», многие из которых стали известными и за рубежом — «Красный Веймар», «Песня о солидарности», «Песня единого фронта». Нынешние пещы не только вернули западногерманским трудящимся музыку пролетариата, но снова бросились на поиски «своей» «выходной». Каждый ансамбль великолепно использовал одну из песен «Красного рунопюра», когда недавно коммунисты назвали Барнома под позвонком «Плещи» для миллионов, а для миллионов...

Петер Шютт называет организатора и руководителя Мюнхенского ансамбля — Хельмута Хахель — одним из лучших человек. Вам, читатель, он тоже знаком, если вы видели фильм «На пути к Ленину», снятый кинематографистами СССР в 1947. В этой картине 24-летний немецкий коммунист Хельмут Хахель играет 24-летнего коммуниста Мартина Шенцингера, который в далеком 1919-м помогал своему товарищу Вентуру Квайсту добираться с партийным помощником до Москвы и встретиться с Лениным.

Я познакомился с Хельмутом в Берлине, когда он начинал кино съемки и он собрался домой. Хельмут показал мне письмо из Мюнхена [и мы все очень гордимся тобой. И очень расцениваем на тебя, хотя мне кажется, что ты не совсем понимаешь работу, что ты интересую и денежно. Дома у меня нет ни работы, ни жилья, но я мучен там].

Петер, когда ты начинал писать на весь свой киномогор Барнома и еще какие-то зитрые музыкальные инструменты для ансамбля. Второй раз мы увиделись на Рабочем фестивале искусств в городе Фридрихсхаген. Там я и его товарищ — тот день аккомпанировал в заключительном концерте певцу Дитеру Зоэфернику, который яростно бросил в микروفон:

Пусть треснут торные стены! Улицы — это наша жизнь! Мы требуем: снизить цены! Мы ставим Красную точку! Да, тут было, да, тут было в узкой улочке, Будто ударил молота: в ротор пункт... пункт... пункт...

И я подумал, что непременно надо написать заметку об уличном театре и о его создателях. И вот сегодня пишу не так: «О «Красного рунопюра».

1 «Союльники» — молодежная организация, примыкающая к социал-демократам.

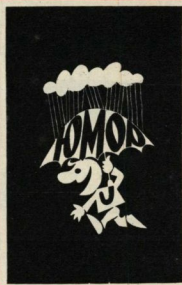

Рисунок Ольги ТЕСЛЕР

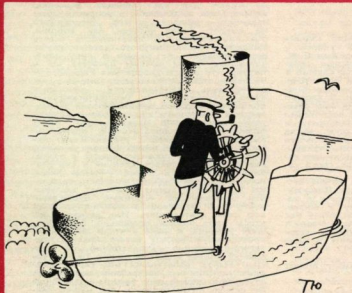

Рисунок Сергея ТЮННИНА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

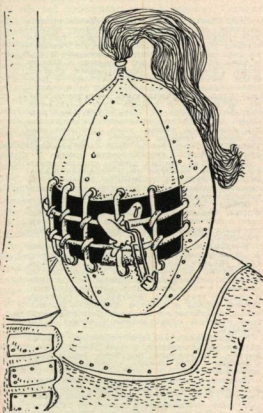

Рисунок Анатолия ПОЛЕВОВО

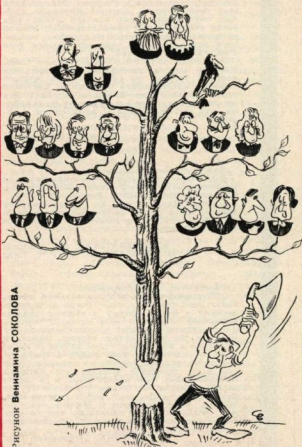
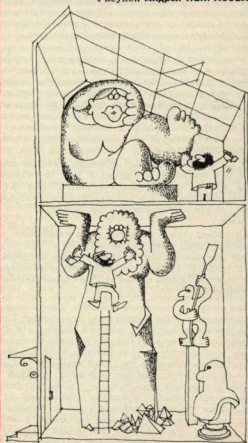

Рисунок Вениамина СОКОЛОВА

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 20/III 1972 г. А 00906. Подписано к печати 14/IV 1972 г. Формат бум. 70×108¹/₂.
Усл. печ. л. 5,80. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 915. Заказ № 2720.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125965, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Я СЛУШАЮ, ГОВОРЮ!

Слова Владимира САНИНА
Музыка Сергея ТОМИНА

А у нас здесь такое лето —
Продирает мороз до слез,
Промерзает насквозь планета,
Промерзает душа насквозь.
Но радист говорит мне чудо,
И возникнет совсем живой
Ниоткуда и отовсюду
Еле слышимый голос твой.

Привет:
Я слушаю, говорю,
Я слушаю, говорю,
Я слушаю, слушаю, а ты говори,
говори!

Я отвечу тебе при случае,
А пока сама говори.

Что ни скажешь — то будет славно,
И невзначай даме пусь,
Говори пуськи, о главном,
Потолкуем, когда вернусь,
Чем сильнее бешут ветры,
Чем суровой природа здесь,
Тем важнее мне знать и верить
В то, что где-то ты просто есть.

Привет.

А эфир и хрипит и злится,
В нем шумит, гоним и рвизь,
Но опять я иду к радисту
И опять выхожу на связь.
И к наушникам, чуть согретым,
Принимая, еда дыша,
И оттаивает планета,
И оттаивает душа.

Привет:
Я слушаю, говорю,
Я слушаю, говорю,
Я слушаю, слушаю, а ты говори,
говори!

Я отвечу тебе при случае,
А пока сама говори.

ТАБЛЮРАДО.

ПРИВЕТ - АТ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, ГОВОРЯ - АТ ЕЩЕ НЕ СКОРЕЕ.

ПРИВЕТ - АТ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, ГОВОРЯ - АТ ЕЩЕ НЕ СКОРЕЕ.

ПРИВЕТ - АТ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, ГОВОРЯ - АТ ЕЩЕ НЕ СКОРЕЕ.

ПРИВЕТ - АТ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, ГОВОРЯ - АТ ЕЩЕ НЕ СКОРЕЕ.

КРОССВОРД

Составил В. ВЕРНУЛОВ
г. Дубровица, Хмельницкой обл.

По горизонтали:

- Часть произведения искусства.
- Город в Иолубии.
- Топографская единица.
- Рекла, претендующая в Турции, Сирии и Иране.
- Небесное тело.
- Композитор, автор песни «Комсомолец-доброволец».
- Единица множественности энциклопедического тома.
- Презентивность в общении, норма поведения, методов исследования.
- Иосифович-партизанка, Герой Советского Союза.
- Русский мореплаватель XIX века.
- Город, где родился П. И. Чайковский.
- Советская поэтесса.
- Промысловая морская рыба.
- Нивитное, обитающее в Африке.
- Форма учебно-теоретических занятий.
- Примета, способствующая определению направления

диоменна. 32. Кровельный материал.

По вертикали:

- Охотничья суица.
- Минерал, подольский камень.
- Кудомени, рисующий морские пейзажи.
- Приток Волыны.
- Русский писатель XVIII века.
- Наука о строении живого организма.
- Сборник новелл Д. Бонмаччо.
- Химический элемент, газ.
- Лососевая рыба.
- Скелетонпроницаемый футляр в фотографии.
- Южное хвойное дерево.
- Советский космонавт.
- Спортивное состязание.
- Государство в Европе.
- Мыс на Чумском полуострове.
- Отсек для топлива на судне.
- Персонал балета в В. Асфальца «Планы Парана».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

- Потенциал
- Циклотрон
- Семароб
- Пример
- Жлобин
- Палитра
- Процессия
- Дроссель
- Языкознание
- Фибролит
- Ботаника
- Чешин
- Родина
- Графит
- Валенок
- Фундук
- Диагональ

По вертикали:

- Коптифор
- Значение
- «Малышка»
- Винograd
- Комплекс
- Коптигель
- Шарикоподшипник
- Лазер
- Союз
- Обсет
- Севан
- Симпозиум
- Сивальтер
- Осинник
- Тренер
- Виноград
- Астроном

5 НА ДВА МЕНЬШЕ ЧИСЛА

1. Какая тень (по номерам) соответствует силуету оккультистской Иканы? Искать тень не имеет своей тени и наклад тень не падает ни и одному силуету?

2. Данный квадрат разбит на 16 малых квадратов, вершины которых помечены числами от 1 до 25. Соединяя прямыми линиями по 4 числа, начертите 6 геометрических фигур: 2 трапеции, 2 параллелограмма, 1 квадрат и 1 ромб, в которых сумма чисел четырех углов должна составить 52. Число 13 в середине квадрата не учитывается.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕЛЫЕ» № 8

1.

2. 4.

ЕГО ТЕМА- БАШКИРИЯ

Я познакомился с Мансуром Якубовым в Уфе. Чеканка его работы украшает здание нового железнодорожного вокзала, Дворец машиностроителей, ресторан «Башкорстан». Три года назад Мансур был удостоен премии имени Саляма, учрежденной Башкирским обкомом комсомола.

Мансур Якубов родился под Астраханью, учился в Абрамцевском художественно-промышленном учили-

ЧАЙ

ще под Москвой. Получив диплом художника-керамиста, он в 1965 году приехал в Башкирию. Бескрайние степи с пасущимися на них табунами, гортанные крики верховых, полынный привкус на запекшихся от жаркого солнца губах...

Здесь, в Башкирии, Мансур Якубов нашел себя как художник. Новые впечатления заставили его обратиться к новой технике. Мансур увлекся чеканкой. Темы ему подсказала сама Башкирия, ее история, быт, культура.

...За окнами мастерской густеют сумерки. И словно оживает чеканка. Бьют копытами кони, струится медный кипляток из медного самовара, застыл в лунном свете страж с круглым щитом... И, кажется, глазами самого Мансура глядят на тебя строгие и ироничные лица—маски и лики.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

МАНСУР ЯКУБОВ

МУДРЕЦЫ

ПЕРЕД СКАЧКОМ

СТРАЖ

ТАНЕЦ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820